

Стенограмма обсуждения доклада «Россия XXI века: образ желаемого завтра»

**10 февраля 2010 года
10.00-14.20**

**Институт современного развития
г. Москва, ул. Делегатская, д.7, стр. 1**

Юргенс. Уважаемые коллеги, огромное спасибо за то, что в нашей заснеженной Москве и в вашем напряженном графике вы нашли время и возможность приехать к нам в Институт современного развития, чтобы пообсуждать выпущенный нами доклад, название которого вы видите на экране. Я буквально в двух словах хотел бы сказать, что эта работа является продолжением того, с чего начался Институт современного развития. «Четыре И» президента Медведева родились в том числе из нашего первого двухтомника, который в 2007 году мы задумали, и в 2008, в начале, выпустили, о стратегиях развития России, как они нам тогда виделись. И в тех годах мы рассматривали, как минимум, четыре основных стратегии от мобилизации, инерции через ренту к модернизации.

Вы видите и знаете, что ход событий в стране привел руководство ее и президента к мысли о том, что три первых – это не варианты для великой державы, вариантом для нее является только модернизация. Поэтому мы продолжаем мыслить об этом. Мы писали уже о стратегии развития в середине кризиса, тоже двухтомник, затем анализ того, как выходим из кризиса, затем отдельные брошюры о том, как видоизменяется и политическая система в связи с кризисом, или как мы видим ее видоизменение. И вот своего рода логический этап в размышлениях о модернизации, который, повторяю, идет не один год в этом институте, а уже два с половиной, вот эта работа.

Мы не рассматриваем уже другие сценарии, мы рассмотрели сценарий модернизации, каковы ее условия, как нам это видится, и в первую очередь предполагали, что это вызовет довольно бурную реакцию, поскольку не соответствует некоторым установкам, скажем, доминирующей партии или других политических сил, которые заинтересованы в статус-кво. Мы предусматривали такую реакцию, мы ее получили, и очень этому рады, потому что даже из ста на тех, кто не согласен категорически с рядом положений доклада, раздаются очень здравые, ценные и конструктивные предложения, которые, безусловно, надо учитывать, если мы зададимся целью сделать новую Концепцию долгосрочного развития Российской Федерации. Напомню, что существует 2020, напомню, что она критиковалась еще при ее издании, напомню, что 2020 после кризиса должна претерпеть существенные методические и другие изменения.

Вот какой фон. За сим я очень благодарю вас вновь за то, что вы пришли, и передаю слово одному из самых главных архитекторов и конструкторов этого доклада Евгению Шлемовичу Гонтмахеру.

Гонтмахер. Спасибо за предоставленное слово. Я надеюсь, что большинство из тех, кто сегодня пришел, все-таки прочитали наш доклад, несмотря на то что там довольно много страниц. И я не хочу повторять все, но мне бы хотелось в свете той дискуссии, которая уже развернулась, действительно интересной и очень лестной для нас, остановиться на основных положениях, которые, с нашей точки зрения, являются ключевыми в докладе. Много времени особо я не займу.

Во-первых, очень важный момент – это структура нашего доклада, потому что мы хотели показать некую логику. Сначала все-таки важный вопрос о том, что такое вообще модернизация, вообще, в чем феномен этого явления. Это важно, потому что сейчас об этом много говорят, но как нам представляется, есть еще неразъясненные вопросы. Что такое инновация? Потом тот образ действительно желаемого завтра. Мы не привязали этот образ ни к какому сроку принципиально, потому что мы – сторонники развития институтов. Мы не сторонники того, чтобы ставить какие-то конкретные сроки: двадцать,

тридцать, сорок, пятьдесят лет, а потом что-то под них расписывать. Мы считаем, что, наоборот, общественные процессы, конечно, должны быть управляемы, регулируемы, но к какому сроку они приведут к какому-то результату, видимо, об этом сложно говорить.

И наконец, очень важно, что мы все-таки попытались предложить, как сейчас очень модно говорить, стартап, то есть то, с чего, нам кажется, надо начинать. Мы не брали на себя, конечно, ответственность сделать программу многотомную, пошаговую как перейти от нашего тревожного натоющего к желаемому будущему, потому что это отдельная большая работа, и я думаю, что, так или иначе, она будет сделана. Мы просто показали, без чего невозможно вообще стартовать. Авторы доклада все названы, это десять человек. Принимали участие еще многие другие эксперты, которые участвовали в круглых столах, поэтому это плод, конечно, коллективного творчества.

Прежде всего, десять тезисов о том, что такое модернизация, как мы ее понимаем. Она должна быть глубокой, потому что все-таки мы должны выйти из колеи ресурсного развития, в которой мы уже не одно десятилетие на самом деле находимся. Она должна быть системной и это принципиальный момент. Сейчас об этом как раз дискуссий много и мы считаем, что прогресс экономики и технологий нельзя обеспечить ценой архаизации политики и социальной жизни, это обрекает модернизацию на фрагментарность и неустойчивость, и тем самым, конечно же, гарантирует нам очередные исторические провалы. Мы не утверждаем, что нужно начать, допустим, только с политики, мы не утверждаем, что нужно начать только с экономики. Нужно начинать модернизацию в разных формах, с разной скоростью, безусловно, но по всем основным направлениям общественной жизни. Ну, и, конечно же, из-за того, что наша страна близка к точке невозврата, мы считаем, что если мы модернизацию глубокую, системную не начнем, то, к сожалению, исторические последствия могут быть тяжелыми.

Тоже важный момент, что полноценная модернизация постиндустриальной эпохи, двадцать первого века, в условиях несвободы в принципе не реализуется. Мы же помним нашу советскую историю – была модернизация тридцатых годов, пятидесятых годов прошлого века, сейчас происходит модернизация Китая, целого ряда стран Юго-Восточной Азии, но это то, что было у нас 70-80 лет назад. Сейчас другое время. Двадцать первый век – это модернизация, которая, конечно же, должна быть только в условиях развитой политической системы, и одно без другого не существует. И конечно, мы считаем, что главный ресурс развития – это человек, и здесь поэтому перекося в сторону этатизма, культа власти и коммунальных ценностей, конечно, не продуктивен, потому что человек нами воспринимается не просто как человеческий фактор или трудовой ресурс, без его действительно свободы творческих способностей, без свободы выбора, я думаю, что он ничего не может сделать и в сфере инноваций. Период шарашек прошел, в двадцать первом веке невозможно сделать российскую «силиконовую долину», собрать там два миллиона умных людей, создать им «идеальные» условия и сказать: «Давайте, продвигайте Россию в будущее» □ такое не получится. Уже такое не получится, мы это в нашей истории прошли.

Конечно, модернизация и трансформация политического строя – это все абсолютно должно быть конкретно-исторически, потому что Россия – страна с особой историей, с особым историческим путем, мы мало кого в этом смысле напоминаем. И поэтому надо здесь понимать, что каждый виток российских модернизаций прошлых лет и даже десятилетий, и даже, может быть, столетий при всех достижениях порождал меньшую экономическую конкуренцию и меньшую политическую свободу. Поэтому каждая модернизация оказывалась незавершенной, частично эффективной. И, например, проект, который назывался Советский Союз, был связан с модернизацией той России, которая досталась в 1917 году новой власти. Чем это закончилось? Мы с вами помним 1991 год, абсолютно логический конец этой модернизации, которая шла в условиях несвободы. И в этом смысле мы утверждаем, что, конечно, обновление политической системы не революционно, а управляемо модернизационно становится обязательной составляющей

успешной модернизации XXI века. Для нас этот вывод принципиален. Мы, конечно, могли бы ограничиться тем, что написали бы, что нужно сделать в сфере экономики, и тут многие эксперты об этом сейчас пишут очень интересно, в сфере социальной жизни, но понимаете, сама логика именно XXI века нас подталкивает к такому выводу.

Либерализация, если она начнется в политике и распространится на повседневную практику, откроет возможности свободной реализации всех тех людей, на которых мы надеемся. Сейчас идут очень большие споры, а кто вообще эту модернизацию будет проводить, на кого опираться. Мы считаем, что это ключ - то, что мы называем либерализацией - к тому, что мы можем продвинуться и в экономике, и в социальной сфере, и во всех других сферах. И, конечно, основное направление – это дерегулирование. То, что государство сейчас у нас фактически является институтом середины двадцатого века, и поэтому устаревшим с точки зрения представлений о том, как руководить и как управлять страной – это факт. И, конечно же, государство должно перестроиться, и это важнейший факт модернизации, оно должно выполнять те функции, которые оно действительно наиболее эффективно может делать. Сейчас, к сожалению, это не так.

Очень важно понимать масштабы вызова, который сейчас брошен России. На самом деле снова же в отличие от модернизаций двадцатого века, когда можно было их проводить в отдельно взятой стране, модернизации двадцать первого века происходят на фоне глобальных процессов. И здесь, когда меняется и мировая экономика, мировой миропорядок вообще, Россия не может из этого выпасть, мы не можем идти по какому-то пути, который перпендикулярен тому, что происходит, по крайней мере, в передовых странах, в странах «восьмерки», куда мы входим. И поэтому здесь, я еще раз повторяю, если мы ограничимся несколькими дорогостоящими проектами и косметическим ремонтом инновационной среды, этого явно не достаточно, и это даже создает некую иллюзию достаточной активности, что снова же обрекает этот проект по осовремениванию России на неудачу.

Можно спорить с тезисом насчет того есть ли у консервативного общества возможности для подлинных инновационных прорывов. На самом деле это вопрос терминологии – что такое консерватизм. Но мы утверждаем, что у нас сейчас, к сожалению, есть и элементы нефеодализма: очень много архаичных институтов, которые не способствуют, а наоборот тормозят процесс модернизации, и это тоже большая проблема.

Наконец, что такое завершение той модернизации, о которой мы говорим? Не может быть модернизации ради нее самой. Все-таки это некий общественный консенсус, который когда-нибудь, мы надеемся, будет у нас в стране, что этот рывок в целом произошел, и что страна уже с комфортной жизнью, с нормальной экономикой, с нормальной политической системой может дальше развиваться плавно, без рывков, без катаклизмов, которые нас преследовали все последние двадцать лет. Мы хотим чтобы в России катаклизмы, шараханья из стороны в сторону - август 1991, октябрь 1993, дефолт и так далее, чтобы это уже у нас, наконец, закончилось, чтобы Россия развивалась нормально, плавно и в сторону лучшей жизни наших людей.

О политической системе я намеренно хочу сказать сначала, потому что нам кажется, что здесь у нас институты наиболее архаичные. Мы считаем, что Россия, конечно – это федеративная республика с сильной президентской властью, сильным двухпалатным парламентом. У нас один из разделов называется «Назад к Конституции», т.к. нам кажется, что много еще очень возможностей для ее реализации у нас не использовано. Мы считаем, что шестилетний срок президентских полномочий - это очень много и он, видимо, должен быть сокращен до пяти или до четырех лет. Дума, видимо, должна работать четыре года.

Избирательная система очень важна. Почему половина депутатского корпуса Государственной Думы должна формироваться через одномандатные округа? Вроде бы, это, как нам говорят, возвращение к девяностым годам, но именно одномандатные округа

дали возможность в конце восьмидесятых, начале девяностых годов появиться новой политической элите при всех прочих тогдашних издержках. Конечно, мы знаем, что там и популисты выигрывали, и даже откровенные бандиты, но в целом это была система смены элиты, ее обновления и ротации без революции. Сейчас у нас ввели, как нам кажется, преждевременно избирательную систему только по партийным спискам - ведь у нас нет партийной системы как таковой и в результате у нас законсервировали процесс смены элиты, его эволюционного обновления, закупорили возможности для появления новых людей. Поэтому это не возвращение к девяностым, это как раз предложение, которое рассчитано на довольно длительное будущее. Возможно, когда-нибудь общество сочтет необходимым вернуться обратно к партийным спискам – нет проблем.

Функционирование правоцентристской и левоцентристской партий – это классика, мне кажется, всей мировой политической системы в развитых странах. Мы считаем, что это у нас тоже должно быть рано или поздно. Правительство, включая главу, формируется Думским большинством. С нашей точки зрения, это тоже достаточно эффективно, ничего страшного здесь нет, это, по-моему, как раз и есть реальное разделение властей. Конечно, нужны выборы в верхнюю палату Федерального собрания, в наш Совет Федерации.

Мы считаем, что рано или поздно губернаторы должны снова всенародно избираться. Мы понимаем, что это вопрос спорный, но уже сейчас тот эксперимент, который сделан в последние годы по фактически назначению губернаторов, привел к ошибкам и неудачам. Конечно, прямые выборы губернатора тоже не гарантируют от неудач, но там есть система - при нормальных институтах общественного контроля - и не переизбрания, допустим, на второй срок.

Естественно, мы считаем, что необходимо создать все возможности для жизни некоммерческих организаций. То, что сейчас делается, это, конечно, изменения в правильном направлении. Но законодательство всё равно далеко до той схемы, когда общественные организации могли бы свободно развиваться. И, наконец, важнейший вопрос – это, безусловно, положение СМИ. С нашей точки зрения здесь прямой или косвенный контроль со стороны государства, как таковой, должен отсутствовать.

Очень коротко о социальном государстве, ради чего, собственно, мы хотим модернизацию экономическую, политическую и так далее. Конечно, в той экономике, которую мы хотели видеть, запрос, прежде всего, на умные квалифицированные кадры. Конечно же, и запрос со стороны самих людей на качественное образование, здравоохранение, пенсионную систему, которая строилась бы на принципе равенства возможностей, а не уравниловки, как, к сожалению, сейчас у нас это часто происходит. Главным критерием эффективности этого социального государства должно стать предоставление максимально возможного объема услуг именно тем группам, которые в них реально нуждаются, т.е. адресность социальной политики, что дает и социальный, и финансовый эффект одновременно. Естественно, что ни одна общественная группа не должна выпадать из социальной жизни. Сейчас у нас, к сожалению, это достаточно распространено, и это делает невозможным социальное государство. И, наконец, социальное государство невозможно без массивированного среднего класса.

Российское экономическое чудо. Мы считаем, что Россия на это способна. Причем здесь очень важно, что мы не предлагаем отказаться уже завтра от нефтяной и прочих сырьевых отраслей, очевидно, что мы еще много лет будем этим пользоваться, но все-таки должен быть создан некий механизм, который позволит доходы и преимущества, которые мы имеем от сырьевого сектора, перераспределить в пользу развития высоких технологий. Причем это, конечно, должно быть при регулирующей роли государства, но на базе инициации частного бизнеса.

Конечно же, очень важные вопросы в желаемом завтра – это экология и защита климата. Здесь, как нам представляется, Россия очень сильно отстает, и наша экономика сейчас не является экологически ориентированной. Это обязательно должно быть, весь мир на это переходит, и мы не должны здесь отстать. И, наконец, очень важные наши

ресурсы, связанные с рекреацией, с историческим, культурным наследием – это наше очень большое преимущество.

Государство должно сократить свое присутствие в экономике непосредственно, не как регулятор, а как собственник, как инвестор. Его доля, как нам кажется, не должна превышать 30%. Сейчас вы знаете, она более 50%, причем это по очень скромным расчетам. Конечно же, конкуренция – это важнейший институт, без которого невозможно ничего, и в экономической сфере, безусловно. Ситуация, когда до сорока процентов промышленных предприятий находились, как сейчас, вне каких-либо конкурентных отношений, это должно остаться в прошлом. Национальная финансовая система - это конкурентоспособность, низкая инфляция и прочее. Здесь, я думаю, консенсус между экспертами, экономистами достаточно хороший. И новая схема принятия решений в экономике: по принципу партнерства между гражданским обществом, бизнесом и государством без административного давления с какой-либо одной из сторон.

Оборона и безопасность – это очень важный момент, потому что сейчас идет реформа Вооруженных сил, мы считаем, что она идет в целом в позитивном направлении, она должна завершиться тем, что армия у нас сугубо добровольческая, численностью пятисот-шестьсот тысяч человек. Гражданский контроль в этой сфере должен быть тщательным, прозрачным и доходящим до последних деталей. Новый состав офицеров. Это люди не просто, которые имеют воинскую специальность, но и фундаментальное гуманитарное или естественнонаучное образование. Это действительно элита общества, мы должны вернуться, это, кстати, не девяностые годы, это возвращение, наверное, к традициям, может быть, даже дореволюционным, когда офицеры были действительно теми, на ком, собственно, строился прогресс во многом.

Что касается внутренних дел, сейчас идет большая дискуссия насчет судьбы Министерства внутренних дел. Мы считаем, что в нынешнем виде оно не нужно, и надо по разным уровням власти развести эти функции. Основной принцип – это децентрализация. Понимаем, что в ближайшие годы это сделать будет очень сложно. Но, тем не менее, если мы говорим о перспективе, довольно, видимо, отдаленной, то у нас должна быть муниципальная милиция, которая подчиняется местному самоуправлению, должна быть федеральная служба криминальной полиции, региональные полицейские службы. ГИБДД, о котором сейчас так много говорят, должна быть ликвидирована и ее функции нужно разделить между различными новыми структурами, в том числе муниципальными. Внутренние войска МВД должны быть преобразованы в национальную гвардию. Это была идея в 90-е годы, но она не была реализована и мы считаем, что в ней по-прежнему есть большой потенциал. И, наконец, Федеральная служба безопасности должна быть упразднена, и должна быть воссоздана Федеральная служба контрразведки с соответствующей компетенцией. И, кроме того, в докладе есть предложения по созданию целой системы новых структур, у которых четко распределены полномочия в сфере национальной государственной безопасности.

Внешняя политика – это очень важно. Конечно же, Россия становится одним из лидеров миропорядка, и мы должны к этому стремиться. Мы должны занимать видное место и в ВТО, и в Организации экономического сотрудничества и развития. Стратегический союзник - Евросоюз, сотрудничество с которым в обозримой перспективе (мы достаточно осторожно подходим к этому вопросу) может теоретически переформатироваться в постоянное членство, но это, видимо, вопрос совсем отдаленного будущего.

Очень важный вопрос. Сейчас многие пишут по поводу нашего вступления в НАТО. Но давайте все-таки обратим внимание на то, как мы сформулировали: существенно изменившийся НАТО Россия успешно завершает переговоры. Что имеется в виду? В нынешнее НАТО, конечно, Россия вступать не будет, это наша позиция. НАТО, видимо, должна превратиться в, видимо, довольно длительной перспективе, в организацию другого типа – скорее политическую, чем военную, скорее в организацию,

которая гарантирует базовые демократические ценности в тех странах, которые хотели бы, чтобы это было у них гарантировано. Поэтому не надо нас всех пугать советскими образами, что НАТО окружает Россию базами, для того чтобы расчленил нашу страну и прочее. Это знаете, такая чистая пропаганда, которая рассчитана на то, что наши люди еще помнят те стереотипы. Поэтому у нас здесь, с моей точки зрения, достаточно сбалансированная позиция, которая достойна России. Мы не просто не сдаемся в НАТО, но, наоборот, Россия предъявляет достаточно большие требования и условия, для того чтобы вступить в эту организацию.

С Соединенными Штатами должны установиться нормальные отношения стратегического партнерства. Две большие страны не могут быть в таких непонятных отношениях, как это происходит сейчас. Остается постсоветское пространство, но уже в другом плане. Это, конечно, содружество равноправных, независимых стран, для которых выгодно быть вместе даже чисто экономически, не говоря уже о каких-то политических вещах.

Важнейшим становится Азиатско-Тихоокеанский регион. Здесь Россия должна войти в четырехугольник – Соединенные Штаты, Япония, Китай, Россия – на равных. И в этом смысле Россия не должна упустить этот шанс.

Теперь диагноз стартовой ситуации. Все-таки с чем мы имеем дело, спустившись с того будущего в наше нынешнее? Мы, конечно, имеем дело с кризисом управления. Сейчас многие говорят о кризисе экономическом, финансовом и так далее. Нет, у нас, конечно, в России кризис управления, как государством, так и общественно-политическими процессами. Из этого надо исходить.

А кто будет двигать, собственно, эту модернизацию? Мне кажется, что это ошибка – делить на тех, кто ее поддерживает и кто ее не поддерживает. Никаких люстраций, никаких делений на чистых, нечистых быть здесь не должно. Сначала должен быть толчок сверху, политическая воля, которую должны проявить и Медведев, и Путин. Если это произойдет, то постепенно модернизация авторитарного типа перерастет в модернизацию демократическую. Тогда очень многие люди (и опросы это показывают), и разговоры, они, конечно, будут за это, тем более, если это будет давать какие-то ощутимые социальные и политические плоды.

У нас довольно большой раздел о самых первых мероприятиях. Это к вопросу о том, что мы не предлагаем никаких механизмов. Мы тем самым еще показываем, что модернизацию нужно запускать везде и одновременно, но в разных формах, в разных темпах. Безусловно, очень тонко, очень спокойно нащупывая шаги, как на болоте, чтобы не попасть в трясины, а, переходя с кочки на кочку, все-таки выйти на действительно твердое и цивилизованное пространство.

Спасибо.

Юргенс. Спасибо большое, Евгений Шлемович, за довольно обширное представление доклада. Слово предоставляется члену нашего попечительского совета, учителю нашему во многом многих здесь присутствующих людей, научному руководителю Государственного университета Высшей школы экономики Евгению Григорьевичу Ясину. Подготовиться Дынкину Александру Александровичу.

Ясин. Дорогие друзья, я хочу сказать, что в целом доклад мне понравился, хотя, конечно, были и разного рода критические ощущения. И, кроме того, была довольно обширная критика в печати, в средствах массовой информации. Она мне напомнила другую волну критики тоже в адрес документа ИНСОРа, посвященного демократии, который готовил Центр политических технологий. Я так думаю, здесь есть, что править, есть, над чем работать. Но я хотел бы поддержать документ, и обратить внимание на его исключительную своевременность.

Я не могу сказать, что я согласен с тезисом относительно того, что нужно одновременно проводить все реформы. Мне кажется, что в данной ситуации, это не 92-й год, и поэтому в этом нет особой необходимости. Но для меня совершенно очевидно, я

хотел бы это подчеркнуть, что, на мой взгляд, главный элемент в докладе – это предложения по поводу политических реформ.

Что касается экономики, с моей точки зрения, надо оставить ее в покое, прежде всего, а возможно, нужно отрегулировать кое-какие детали, и это можно делать в рабочем порядке, если не стараться вздернуть ее на дыбы, и потом чтобы она пала. Экономика находится под сильным давлением бюрократических кругов и она только страдает от этого. Очень высокий уровень недоверия. Поэтому я бы сказал так: с экономическими реформами можно подождать, а с политическими ждать нельзя.

Я понимаю все те моменты сложные, идеологические, тактические, которые возникали перед авторами доклада. И в целом тон получился такой мирный, я бы сказал, несколько убаюкивающий и дающий представление о том, что действительно установка президента относительно того, что реформа постепенна, что никаких серьезных, быстрых сдвигов быть не должно. Это, наверное, правильно, но я хочу еще раз подчеркнуть, что постановка вопроса открытая и совершенно определенная относительно политических реформ мне представляется очень большим достоинством доклада, исключительно своевременным. Я думаю, что ключевой вопрос в этом деле – это возможности представительства различных партий, различных направлений политической общественной мысли, которая сегодня заблокирована. Представление в парламенте четырех фракций после того, как, откровенно используя технические приемы, запретили Республиканскую партию, потом еще целый ряд акций, о которых я напоминать не буду – это исключает возможности нормального развития нашего общества.

Как ни странно может показаться на первый взгляд, зависимость инноваций, инновационного прорыва от этих политических перемен кажется довольно такой сомнительной, и это, вообще-то говоря, в советской, я бы сказал, даже не российской традиции, потому что в советское время научные достижения формировались на основе крупных вложений, выделения уже известных в основном научных авторитетов, которых вынимали из шарашек или еще откуда-то, которые на самом деле получали приличное образование в двадцатые годы и были готовы к своей миссии не благодаря режиму, а вопреки. Связь действительно не прямая, но она существует. Я просто хочу сказать, что если вы хотите иметь какой-то инновационный прорыв, а это для нас не просто очередная мода (я еще об этом скажу чуть пониже), мы должны понимать, что с одной стороны, это дело долгое, с другой стороны, такие вещи не делаются без определенного драйва, без настроения, без создания определенной общественной атмосферы, которая противоположна нынешним настроениям апатии, когда все как-то опустили руки. Я не знаю, может быть, кто-то из здесь присутствующих видит эту картину иначе, лично я воспринимаю ее таким образом, и в этом общественном настроении рассчитывать на какие-то инновационные прорывы, на то, что будут озарения, на то, что у людей появится какое-то вдохновение – это бессмысленно, за вдохновением будут ездить в Америку. А вот этот драйв должен появиться, и он должен быть создан как раз общественным мнением, экспертным сообществом, теми, кто создает смыслы и значение в обществе.

Мы должны понимать, что в сложившейся обстановке без каких-то серьезных перемен этого сделать невозможно. Крупные перемены в странах, где бы они ни проходили, они всегда делаются на волне общественного подъема. Я сошлюсь на Гершенкрона, он приводил в качестве примера капиталистическую революцию во Франции, где на самом деле ведущими революционерами были социалисты-сенсимонисты, никто не ссылаясь на то, что мы строим капитализм, это такой мало вдохновляющий лозунг, но подъем был, и крупнейшие деятели французского бизнеса, такие, как Исаак Перейра, они были социалистами, и это было настроение, ощущение было такое, что Наполеон III строит социализм. Это дико звучит сегодня, но на самом деле в девятнадцатом веке это было так. В Германии была создана волна национализма, которая тоже сыграла, ну, можно по-разному оценивать ее последствия в виде фашизма и так далее, но сыграла определенную для Германии позитивную роль. В России

Гершенкрон ссылается на марксизм, он указывает, что марксизм был таким инструментом идеологического общественного подъема. До революции, конечно, и до того, что потом произошло, но все-таки даже и в двадцатые годы это было.

Вот теперь у нас в руках был определенный подъем, созданный в начале девяностых, в конце восьмидесятых годов. Следы чего-то похожего вы сейчас видите? Нет. Все говорят: «Какие будут движущие силы всех этих реформ?» И, кстати, это один из самых главных аргументов, которые выдвигаются критиками доклада. Там про это не написано. Но на самом деле, если вы возьмете за основу те политические реформы, которые здесь предлагаются, мало того, что они сделаны очень квалифицированно, со знанием дела, кроме того, они еще и как раз могут вызвать этот общественный подъем. Как подойти? Поэтому с моей точки зрения сама по себе декларация только этих вещей в докладе, только декларация, не надо, может быть, даже бессмысленно в какой-то момент, когда еще нужно казать только «а», начинать прописывать детали. С моей точки зрения, это самый существенный момент, и поэтому мне лично этого достаточно, для того чтобы поддержать доклад и всячески пропагандировать те моменты, которые в нем прописаны именно в этом отношении.

Я понимаю, что, наверное, общество или не общество, а, может быть, руководство, к этому не готово, и нужны будут какие-то шаги, но давайте, мы представляем экспертное сообщество, давайте скажем более или менее определенно. Собственно, я готов всячески поддерживать этот почин наших коллег, и я считаю, что они свое дело, очень важное, сделали.

Что я бы сказал, на мой взгляд, чего тут не хватает? Я не знаю, будете вы там еще работать над докладом или нет, я бы подумал, если вы возьметесь. Дело в том, что доклад недостаточно критически оценивает сложившуюся ситуацию. То есть дело не в том, чтобы быть критичным, дело в том, что общество, а это документ, обращенный к обществу, он не прописывает в полном объеме те вызовы, перед которыми стоит страна. Я считаю, что положение намного более серьезное, и мы должны об этом сказать, потому что у нас нет времени, для того чтобы очень долго разыгрывать многоходовые комбинации.

Реально давайте будем говорить, на мировой арене сегодня ключевые страны, в которых решаются судьбы будущего мира – это Соединенные Штаты и Китай. Самые главные события произойдут там, на мой взгляд, в течение примерно десяти лет. В Соединенных Штатах должна определиться картина складывающейся инновационной экономики, они должны посмотреть, какое место будут занимать Соединенные Штаты в новом мире. Это, на мой взгляд, очень серьезный вопрос, потому что масштабы структурного кризиса, который переживает мир, мы еще не поняли, и я думаю, что определенное снижение влияния Соединенных Штатов в будущем будет, во всяком случае, единственный шанс, на который они могут опереться – это действительно инновации. Я подчеркиваю это обстоятельство, потому что и для нас вопрос этот исключительно важен, потому что мы приходим ко времени, когда единственным фактором экономического развития, экономического роста будут инновации. Вот если в структуре валового внутреннего продукта страны не будет примерно 10-15% инновационных продуктов, я имею в виду, когда говорю инновационные продукты – это продукты для рынка, то есть те инновации, которые вы можете продать на своем рынке или на международном рынке, но это не то, что вы покупаете оборудование или вкладываете деньги в НИОКР, ничего похожего. То есть от этого тоже потом могут быть последствия, но мы должны понять, что игрушки закончились. Благополучными отчетами дело не обойдется. Это верно для нас, но это верно также и для Соединенных Штатов.

Китай. Та же самая... не та же самая ситуация, я думаю, что Китай просто имеет примерно десять лет, для того чтобы окончательно включить все факторы экстенсивного роста, которыми он еще располагает. Это примерно 120-150 миллионов сельского населения, которые придут в города. После этого будет снижение темпов экономического

роста, если оно не произойдет раньше, потому что им придется поднять юань. А может быть, не придется, я не знаю, но это неопределенно. Но с моей точки зрения, вот этот резерв – десять лет. Что мы за десять лет можем успеть? Давайте смотреть на вещи трезво. Если мы будем откладывать до греческих колен какие-то изменения в политической системе, ведь эти изменения рассчитаны на то, что каким-то образом будут перестраиваться персональные отношения. Это, в общем, довольно дорогая цена, надо думать.

Я, конечно, обратил бы больше внимания на демографические проблемы. Это ни для кого не секрет, и надо ясно понимать, что повышение рождаемости – это еще не означает, что эти проблемы закрыты. Во-вторых, для того чтобы мы могли хотя удерживать нынешний уровень доходов на душу населения или иметь какой-то хотя бы прирост, я считаю, более или менее реальный прирост, который мы можем поддерживать – это порядка четырех процентов в год, причем это практически верхний предел, потому что выше у нас не будет роста численности рабочей силы, и рост производительности, который нужно поддерживать, для того чтобы было четыре процента роста. Пять процентов в год – это то, что было в последние годы при весьма благоприятной конъюнктуре. Удастся или не удастся это делать, я не знаю, но это те реальные возможности, которые есть.

Для того чтобы обеспечивать пять процентов валового прироста производительности – это очень серьезное дело, это просто так за счет инвестиций вы этого не сделаете, потому что у нас очень низкая эффективность инвестиций. Километр дороги стоит в десять раз дороже, чем в Соединенных штатах, 60% из этого – это коррупционная составляющая. Возьмете какие-то другие примеры, они известны, возьмите последний доклад Макинси (они в прошлом году выступали с этим докладом), вы увидите, что это серьезные проблемы, они не разрешимы техническими средствами, они не разрешимы финансовыми средствами. Это вопросы перестройки общества. Это перестройка культуры, культурные изменения не достигаются специальными мерами – тем, что вы будете распространять и устраивать какие-то семинары, летние школы и так далее и тому подобное. Это изменение политической системы, изменение экономической системы, это изменение государственного устройства. Давайте мы еще какое-то время позреем. Но я считаю, что очень важно, чтобы мы поняли более серьезно эти вызовы. Спасибо.

И несколько частных замечаний. Если можно, я проявлю определенную наглость, я бы снял лозунг социального государства, потому что потом те оговорки, которые вы выдвигаете, это делает этот лозунг бессмысленным. Было принято это в свое время тоже, я бы сказал, по риторическим соображениям. Может быть, надо подумать, потому что у нас не будет возможности для таких разговоров.

Затем, я считаю, что можно оставить и пропорциональную систему. Это вопрос спорный, я думаю, что нет необходимости возвращаться к тому, что было, но если останется пропорциональная система, то, по крайней мере, должно быть ясно, что выдвигаются люди, а не партии, что есть конкретные люди, которые выдвигают кандидатуру, которые себя защищают, партии могут их выдвигать. Вот это принципиально. Если будет можно там устанавливать для партии какие-то ограничения, это возможно, но на самом деле мне представляется, что было бы правильнее сохранить пропорциональную систему, но вот сделать этот шаг. Потому что когда избиратель приходит, берет бюллетень на избирательном участке, и там видит какие-то флажки, я это просто воспринимаю, как издевательство и больше на выборы не хожу.

Я так полагаю, что принципиальный для нас момент – это то, что в истекшие годы Россия потеряла роль лидера демократических преобразований на пространстве СНГ и Восточной Европы тем более, и она от этого очень много проигрывает до сих пор. Мы должны каким-то образом восстановить это положение. Я понимаю, это тяжело сделать, но лично я в девяностые годы, в начале девяностых годов, испытывал гордость от того,

что я могу сказать: мы живем в новой демократической России. Сейчас такое ощущение, что мы такой возможности говорить это не имеем, мы превратились в обрубок империи, которую мы почему-то стараемся защищать. Между тем как раз ощущение того, что мы новое государство с другими обязательствами и с другими ценностями – это очень важно. Это тот капитал, который мы должны вернуть.

Спасибо.

Юргенс. Спасибо большое, Евгений Григорьевич. Хотелось бы предоставить слово академику Дынкину, члену нашего попечительского совета. Подготовиться Дмитрию Борисовичу Орешкину.

Дынкин. Доброе утро. Во-первых, я хочу сказать, что у меня такое ощущение, что писание и обсуждение различного рода программ – это такой наш национальный спорт, мы это очень любим. Во всем мире уже давно пишут законы, а если программы, то предвыборные, а мы по-прежнему вот это вот дело любим. В чем проблема, я не знаю, наверное, те ребята из РСДРП, которые писали свои программы максимум, минимум, они заложили этот тренд, которому мы продолжаем следовать. Но в этой цепи мое самое любимое произведение – это была Продовольственная программа. Я ее у себя храню на полке. Она сегодня целиком выполнена, но теми методами, которые не снились ее авторам.

Если говорить о действующей сегодня программе, то это Концепция долгосрочного развития 2020. Это очень свежий документ, и он подписан всего лишь 17 ноября 2008 года. Он нам обещает качественно новый образ будущей России к концу следующего десятилетия, он говорит о том, что половина населения должна принадлежать к среднему классу, о том, что этот средний класс будет заниматься инновациями, и много других хороших вещей, о которых точно так же говорит и вот этот доклад, который мы сегодня обсуждаем. Но есть одно серьезное отличие. Писатели этой Концепции долгосрочного развития, они не увидели уже наступающего глубокого финансового кризиса, и не предполагали, что Россия, потратив на антикризисные меры пропорционально к своему валовому внутреннему продукту гораздо больше ресурсов, пострадает сильнее всех стран в группе G20. И в этом очевидная, и тут почти нечего обсуждать, очевидная уязвимость действующей социально-экономической конструкции.

Если я вас немного помучаю статистикой, то скажу, что по прошлому году мы откатились на уровень где-то между 2006-2007. Но те темпы, о которых сегодня говорит Министерство экономического развития, позволят нам вернуться на предкризисный восьмой год где-то в 11-12 году, поэтому все то, что нарисовано в КДР, а именно рост за пятилетку ВВП в 137%, рост доходов в 154%, а тем более рост инвестиций в основной капитал 180%, всего этого не будет, это сегодня очевидно, эти вещи надо пересматривать. И тот доклад, который мы сегодня обсуждаем, он очень может быть для этого полезен точно так же, как и его авторы, если, конечно, относиться к КДР серьезно, а не как к очередному такому произведению в стиле Продовольственной программы.

Нельзя не обратить внимание, что методика вот этого сегодняшнего документа, она существенно изменена, он рисует какую-то картинку желаемого и намечает контуры движения туда. Все другие документы похожие, они отталкиваются от сегодняшнего дня. Я бы попросил вас показать одну картинку. Это такая простенькая-простенькая картинка, сделать которую было довольно сложно, и я сильно мучил своих специалистов по международным сопоставлениям, чтобы ее вам показать. Я бы ее назвал такой вот модернизационный вызов, потому что вы видите, что по ВВП, если сравнивать с другими странами, мы находимся очень далеко. Очень впечатляет показатель по производительности труда. У нас была сегодня такая производительность труда, которая была в Штатах на выходе из Великой рецессии. Ну, и другие параметры тоже, в общем, довольно тревожны.

Поэтому какими-то такими косметическими вещами здесь нам сегодня не обойтись, и нужно, видимо, говорить, если мы рассчитываем на то, что Россия все-таки

принадлежит к этому ряду государств, а не других, нужны комплексные меры. И тут я, наверное, с Евгением Григорьевичем не соглашусь, потому что, видно, по всему спектру жизни общества нам нужны перемены. И в этом тоже преимущество этого доклада. Потому что когда рост был таким линейным, как это было в начале десятых годов, все интересовались темпами, все интересовались различными технократическими вещами, которые повышали бы эффективность роста, сегодня время других постановок. И вот то, что этот доклад делает в таком, я бы сказал, в философском, общегуманитарном ключе, на мой взгляд, это очень своевременно и оправдано. Всеми мы с вами видим, что создана, безусловно, очень сильная, мощная платформа для дискуссии, потому что давно в обществе не было той остроты дискуссии. К сожалению, некоторым дискуссионкам, уважаемым мной, иногда изменяет вкус, и они вспоминают Энгельса в некоторых названиях статей, но это частности.

На мой взгляд, заслуга доклада, что все-таки авторы видят, что желаемое будущее России связано с вхождением в сообщество высоко развитых государств с демократическим политическим строем и с открытыми рыночными экономиками, потому что некоторые разговоры о том, что у нас какой-то особый путь, основанный на исторической своей специфике, еще на каких-то экономических традициях, на том, что мы отдельная цивилизация, все это авторами даже не рассматривается. На мой взгляд, это правильно, если не считать, конечно, такой цивилизацией энергетическую сверхдержаву. Но энергетическая сверхдержава идет в одном флаконе с суверенной демократией, это тоже, я думаю, всем ясно. Поэтому мне кажется, что чем дальше Россия себя будет баюкать такой вот консервативной романтикой, размазывать имперские слезы, тем хуже будет и для нашей конкурентоспособности, и для безопасности. Поэтому, в общем, рыночная демократия в докладе выглядит безальтернативной, и идея о том, что есть какой-то конкурентный с ней мировой проект такого авторитарного, патерналистского капитализма, на мой взгляд, он не имеет под собой оснований, все это мы уже проходили в первой половине прошлого века. Поэтому я разделяю позицию авторов о том, что идея модернизации подается у них не как некий модный лозунг, а как проект, который требует перехода на некоторый иной тип развития.

Если говорить о включении России в международную жизнь, то конечно, очевидно, что страна, которая с подозрением относится к своим ближним и дальним соседям, постоянно ожидает от них каких-то пакостей, конечно, такая страна не может обладать ни устойчивой политической системой, ни открытой экономикой. Конечно, страна, которая как бы принадлежит вот к этому ряду государств, она не может смотреть на окружающий мир, на мой взгляд, сквозь призму неприятия, сквозь призму какой-то собственной непонятности. И в этом смысле я могу вам сказать, я был за границей, когда стало известно о жесте премьер-министра по Катыни, и реакция была настолько позитивной, что она стоит, на мой взгляд, пары лет вещания канала Раша тудей.

Некоторые контуры движения вот к этому будущему, которые тоже есть в докладе, они новаторские. Например, идея деэкономизации бюрократии. На мой взгляд, это очень такая хорошая идея, простая и понятная. Меня не вполне удовлетворил раздел, связанный с инновациями. Здесь есть гораздо более серьезные наработки. Но то, что этот вопрос ставится, это уже само по себе хорошо. Ну, например, очевидно, что нам в нашей сегодняшней стадии необходима мощная система по заимствованию технологий, об этом в докладе не говорится. Чтобы подтвердить эту мысль, я вам скажу, что мы десять лет пытались разработать собственные технические стандарты, у нас это не получилось. Теперь мы применяем стандарты Европейского союза, правда, через Казахстан почему-то, есть более короткие пути.

Несколько подробнее я скажу об инновациях именно в силу того, что мне эта тема интересна, и того, что в докладе она меня не удовлетворила. Я хочу сказать, что в известной формуле Шумпетера *creative distraction*, или о созидательном разрушении, мы часто обращаем внимание только на первую часть, но очевидно, что инновации, если это

серьезный процесс и постоянный, они разрушают рынки, они разрушают отрасли, они разрушают фирмы, они уничтожают профессии, они меняют направление денежных потоков и пространственное распределение прибылей. Иначе, если этого нет, то никакой инновационной экономики нет. Поэтому я хочу сказать, что такие лозунги о стабильности по всем признакам, они совершенно не вяжутся с инновациями.

Еще бы я отметил, что среди стран - инновационных лидеров нет стран не членом ВТО и не членом Организации экономического сотрудничества и развития, это очень важный внешний якорь для нашей национальной инновационной системы. Почему? Потому что, скажем, соглашения ТРИПС, которое входит в пакет соглашений по ВТО, они задают абсолютно современные стандарты защиты интеллектуальной собственности, в том числе и программного продукта и цифрового контента. Они поощряют конкуренцию, они мешают монопольным практикам. А станковые доклады Организации экономического сотрудничества и развития, они, в общем, неплохо определяют инновационные барьеры в национальных экономиках.

И последнее, о чем я хотел бы сказать, в экономической литературе известна такая дилемма *. Это английский ученый, который довольно давно поставил вопрос о том, почему Китай, будучи инновационной державой в 14-15 веке, потом все это потерял и на пятьсот лет погрузился во мрак. И сложилась целая школа, которая пытается ответить на этот вопрос. Написаны диссертации, но такого признанного ответа нет. Я рискну вам предложить свой ответ на этот вопрос.

На мой взгляд, инновации тесно связаны со средним классом и конечно, со свободой мировоззрения, не скованного догмами. Средний класс не только сам создает инновации, его пенсионные накопления создают длинные деньги, а ценности среднего класса ориентированы на качество жизни, на образование, на коммуникации с тяжелым контентом, на облачное программирование, на чистую экологию, они рожают платежеспособный инновационный спрос. И в этом, может быть, именно поэтому, мир пока не знает ни китайских, ни, скажем, малайских инноваций, кроме по-прежнему пороха, фарфора и компаса, несмотря на сверх активный государственный интервенционизм в этой области. Такие режимы типа малайского, китайского, они способны только заимствовать и воспроизводить чужие инновации, собственные они пока не рожают. И если, скажем, в Китае вопрос о деятельности компании Гугл будет решен отрицательно, то, на мой взгляд, это нанесет очень тяжелый удар по перспективам оригинальных инноваций в Китае. Скажем, в Эстонии такой вопрос вообще не может возникнуть, чтобы закрыть доступ эстонцам к Гуглу, правильно? Поэтому китайских инноваций нет, а мы все с вами уже пользуемся программой Скайп, которая создана в Эстонии.

Юргенс. Спасибо большое, Александр Александрович. Слово предоставляется известному политологу Дмитрию Борисовичу Орешкину, ведущему научному сотруднику Института географии.

Орешкин. Спасибо большое. Довольно странное ощущение остается. С одной стороны, когда читаешь, со всем согласен, почти со всем. С другой стороны, такого фундаментального чувства голода не утоляет. Поэтому, с одной стороны, я хочу сказать, что я много почерпнул. Я считаю, что это очень полезно, очень своевременная книга, есть хорошие формулировки, например, «прорыв в тупике», «перезагрузка конкуренции» (или там сказано на самом деле «перезапуск конкуренции», но я думаю, что можно было сказать и перезагрузка), «хозяева будущего», то есть такие есть образные выражения, которые остаются в памяти. И, собственно говоря, документ мне целиком нравится, может быть, в этом и проблема, потому что одна из важнейших трудностей (я буду в основном говорить о трудностях и проблемах) заключается как раз в том, что я-то никого не интересую. То есть нужна, мне кажется, для того чтобы этот документ был более дееспособным, четкая концентрация на целевой аудитории, а вот ее я как раз не наблюдаю. Вы извините, я сейчас буду ругать, потому что мне это кажется очень

полезным, важным и плодотворным, и соответственно, моя ругань будет касаться возможного улучшения, как мне казалось, можно было бы это сделать.

Не вижу четкой целевой аудитории. Если это, скажем, Евгений Григорьевич Ясин или там Орешкин, то и не надо меня убеждать, агитировать, я и так согласный. Если это тот, кто не согласный, то редкая птица долетит до середины этого текста. Если это начальник, то ему нужен более структурированный и более операциональный подход – делай раз, делай два, делай три. Если это масс-медиа, то надо короче и звонче, нужны короткие формулировки, провокационные. Там есть кое-какие провокативные хорошие моменты, на них уже и среагировали масс-медиа, но все равно не очень понятно. Если это оппоненты, то, по-моему, они это не будут читать, или прочитают и найдут там то, что авторы стараются объединиться с НАТО. Этого им достаточно, для того чтобы все это похерить. Для кого? Это надо было определить. И соответственно, из-за этого менять и стиль доклада, и его содержание.

Отсюда жанр. Что это такое? Политическая философия? Там рассуждается очень много о системе ценностей, о том, что правильно, что неправильно. Или это дорожная карта для достижения будущего? Или это все-таки утопия, то есть описание ожидаемого и желаемого будущего. Или это политический анализ ситуации, или это учебник, в конце концов? Вот жанр неопределенный. Я бы предложил сконцентрироваться на том, что заявлено. Образ будущего, вот с него и надо начинать, а там слишком много вокруг этого лишнего мяса, как мне представляется.

Структура у доклада не очень хорошая, повторы, возвращение к одним и тем же темам под разным углом, разная масштабность подхода – с одной стороны мы говорим про фундаментальные проблемы, а с другой стороны в докладе обсуждается судьба отставных сержантов и то, что надо строить мемориалы Великой Отечественной войне. Просто несоответствие масштабов в изложении, слишком часто уходим в сторону.

Есть целый ряд, мне кажется, ошибочных заявлений частных. Например, что завершение модернизации будет означать наличие общественного консенсуса о его достижении. Когда это будет консенсус, когда общество скажет, что все, вот она модернизация состоялась? Просто не вижу. Или там, например, о том, что надо заставить государство перенести центр тяжести с природных ресурсов на человека. Так еще Никита Сергеевич перенес, который говорил: «Все для блага человека, все во имя человека», во всяком случае, на уровне риторики. И сейчас государство то же самое говорит.

В связи с этим, мне кажется, есть еще и базовая проблема. Она мне мыслится вот такой. Весь доклад, по сути дела, как я уже говорил, непонятно, к кому обращенный, если так функционально посмотреть, он обращенный к государству. То есть на самом-то деле мы говорим, что государство должно стать таким-то (не мы, а авторы доклада), государство должно вести себя так-то и сяк-то, государство ведет себя неправильно. Это абсолютно не либеральный подход, мне кажется, потому что именно идет опять борьба за вертикаль, за то, чтобы эту вертикаль нагнуть в правильную сторону. Мне кажется, это фундаментально не идеальный подход просто потому, что государство на то и государство, чтобы отстаивать свои государственные аппаратные интересы, и убедить его отстаивать другие интересы можно в лучшем случае на словах. Точно так же, как Советский Союз говорил про научно-технический прогресс, сейчас мы говорим про модернизацию. Если нет интересов у этого аппарата модернизироваться, то и не будет он модернизироваться.

Поэтому, переходя уже к содержательной части, я бы сказал так: надо с государством говорить по-другому, надо ему вежливо поставить задачу и сказать, что мы от него ждем конкретных вещей, которые оно может сделать в данной ситуации. Ну, например, обеспечить выполнение законов. Я не знаю, об этом надо было подумать авторам. Ну, например, заняться демографией, я, кстати, абсолютно согласен с Евгением Григорьевичем. Ну, например, что-то сделать с пенсионной реформой, с армейской реформой. И все, вот поставить эти задачи и больше от него ничего не ждать, потому что

понятно, что у него и ресурсы ограничены, и желание совершенно не бьет ключом, если не брать, конечно, как здесь удачно сказано, символические атрибуты модернизации. Символические, их сколько угодно, реальных не вижу. Задача в том, чтобы понять позицию государства, дать ему ту задачу, которую оно может решить, не просить от него чего-то невероятного, а сконцентрировать свои усилия на чем-то рядом, что-то рядом с государством должно быть. Пресловутое это гражданское общество? Не уверен, это просто слишком расплывчатый термин. Значит, это одна из фундаментальных задач.

Вторая фундаментальная задача не к государству, а, может быть, к кому-то другому, а, может быть, к элите интеллектуальной, может быть, к средствам массовой информации. Решить гораздо более сложную и небывалую в нашей истории задачу – помочь понять вот это ощущение тупика до того, как мы туда со всей мощью нам свойственной въедем. То есть заставить государя Николая I начать реформы антикрепостнические до того, как Россия проиграла Крымскую войну, или начать перевод на рыночные рельсы экономики Советского Союза до того, как замначальника Генштаба просит у ЦК КПСС в первую очередь отправлять гуманитарную помощь, поставляемую западными странами, в войска, потому что иначе эти войска не обеспечат обороноспособность Родины от агрессивного блока НАТО. До того, как наступит это материальное ощущение упертости рогом в стену, надо создать это ощущение ментально, надо объяснить, что мы уже в тупике, и доказать. Вот доказательств в докладе не вижу. Вижу декларации и согласен с этими декларациями, но не вижу убийственно очевидного объяснения, что мы уже у тупике, уже надо выворачиваться. Не просто надо говорить про модернизацию, а спастись надо уже на самом-то деле. Может быть, в этом смысле следовало добавить алармизма.

Это отличный материал для дискуссии, ругать его – одно удовольствие, чем я и занимаюсь. Это отличный материал для того, чтобы дальше на основе этого документа идти вперед. Я бы добавил следующие вещи. Во-первых, оценил бы риски. Совершенно правильно говорят про то, что мы мехалогизированная(?) страна, у нас там ошибочно выбраны стратегические цели, совершенно правильно говорится про демократизацию, но давайте обозначим реальную ситуацию. Вот я сторонник честных выборов, профессиональный сторонник честных выборов, и я хорошо понимаю, что на самом деле это серьезнейший удар по территориальной целостности, потому что, если демократические выборы проходят в Дагестане, никакой нет гарантии, что там не приходят к власти ваххабиты. Более того, если мы говорим про то, что надо менять систему ценностей и уровень качества жизни ставить выше, чем государственные интересы, тогда логичным последует отделение Калининграда, потому что им было бы слаще жить под крышей Германии в смысле материального благосостояния. То же самое можно сказать про северные территории. В этом есть внутреннее противоречие, мы можем говорить про демократизацию выборов, мы можем говорить про перенос центра тяжести на человека, но при этом мы разрушаем ту основу советской и имперской державности, на которой все держится столетиями, это тоже надо понимать. Поэтому надо понимать и оппозиционеров, которые это все на дух не принимают. И соответственно мы должны понимать, о чем мы говорим – или мы за демократизацию и тогда мы вызываем такие вот риски, в том числе территориального распада, и надо их осознавать, или давайте не сотрясать воздух просто так рассуждением о том, как было бы хорошо, если бы все было справедливо.

Что бы я сделал? Я бы переструктурировал этот документ. Я бы начал действительно с желаемого будущего, вот какое будущее мы действительно хотим, очень коротко, чтобы это можно было использовать для смишников, для широких народных масс. После этого я написал бы альтернативу, какое будущее будет, если это будущее не состоится, и почему мы его не хотим, обозначил бы так. Обозначив вот эту систему будущего, желаемого будущего, как, собственно, и называется доклад, я бы уже попробовал написать к нему дорожную карту: для этого надо сделать то-то, то-то, то-то,

то-то, государство должно сделать а, b, с, d, гражданское общество должно сделать то-то, то-то, то-то, то-то, СМИ не должны паскудничать целеустремленно, как минимум, военные не должны делать того-то, того-то и того-то.

Я бы построил то, что в соревнованиях по ориентированию называется контрольные пункты. Если человек пришел на этот контрольный пункт, он идет в правильном направлении, если нет, не пришел, значит, он идет у каком-то другом направлении, или вообще никуда не идет. Вот на ближайшее будущее просто обозначить контрольные точки, по которым мы можем судить, куда мы идем. Выборы становятся лучше или хуже? Президент обещал сделать мартовские выборы получше, вот и посмотрим. Скажем, производительность труда растет или падает, качество среды улучшается или ухудшается, инфраструктура и так далее. Вот такие точки на этой дорожной карте было бы чрезвычайно бесполезно наметить.

Я бы провел то самое разделение труда, кому что надо делать, чего мы ждем от государства, чего мы ждем от бизнеса, чего мы ждем от граждан, чего мы ждем от регионов и чего мы ждем от заграницы. Вот сколько раз говоришь об этом в процессе шакаливания иностранных посольств, люди спрашивают: «А что бы вы считали нужным, чтобы помочь России?», а я говорю: «А я не знаю, черт его знает, что нужно. Как вы можете помочь России? Ну, не вмешивайтесь, и то благо». А на самом деле они могли бы что-то сделать полезное.

Я бы сделал на основе этого документа дайджест на 10-15 страничек и широко бы его распространил. Я бы, конечно, сократил, убрал бы декларации и выделил бы базовые узлы, без которых вообще ничего не получится. Те, которые было бы хорошо, а может быть, не очень хорошо – это второй вопрос, а вот то, без чего невозможно, здесь четко не выделено. То есть эти супер важные вещи тают в общих рассуждениях. И вообще я бы на самом деле этот документ сейчас по-хорошему глубоко бы переработал.

А так вообще авторам большое спасибо, потому что я прочитал, облился слезами, понял, насколько на самом деле все то, что мы пытаемся объяснить обществу, плохо сформулировано, неубедительно и противоречит базовым ценностям, в которых воспитана вся страна и большинство населения, и подумал, что я бы вряд ли лучше сделал на самом деле. Поэтому ругать-то легко, а делать – плохо. Спасибо авторам и сочувствие большое. Благодарю.

Гонтмахер. Спасибо, Дмитрий Борисович. Сейчас я предлагаю сделать пятнадцатиминутный перерыв, а потом мы продолжим дискуссию.

Перерыв

Гонтмахер. Коллеги, я думаю, мы все-таки начнем. Так как уже записался двадцать один человек, я прошу по три-пять минут на выступление. Список не закрыт, если кто еще хочет выступить, мы готовы здесь сидеть достаточно долго, пожалуйста, это все зависит только от вас. Коллеги, я бы хотел предоставить слово Иноземцеву Владиславу Леонидовичу. Пожалуйста, Владислав Леонидович.

Иноземцев. Я остановлюсь тоже больше на критических замечаниях в адрес авторов доклада, хотя должен сказать, что основные тезисы относительно перспективных целей, они, в общем-то, не могут не вызывать, безусловно, позитивного отношения. Я полностью согласен с тем, что России нужно двигаться в сторону Запада, нам не нужно искать каких-то имперских идентичностей. Я был рад услышать, что в докладе написано о необходимости сближения с Европой, об этом я говорю уже много лет и в данном случае рад приветствовать единомышленников. Что касается НАТО, прочих конкретных проблем – это, на мой взгляд, несколько преждевременно. Но, так или иначе, я хочу остановиться на трех основных фундаментальных вещах.

Первая проблема, которая возникла у меня, когда я читал доклад. Он похож на сказку. Это хорошая идея о будущем, очень хороший образ, но в этом образе меня

беспокоят два обстоятельства. Во-первых, это образ достаточно отдаленный, и он не имеет каких-то серьезных парадигм перехода к нему, достижения этого желаемого будущего. И второе – этот образ совершенно неоригинальный. Дело в том, что если мы посмотрим, например, на наиболее известные, наиболее влиятельные в современном мире державы – на Соединенные Штаты Америки, на Европейский союз как единое целое, на тот же самый Китай, мы увидим, что все-таки эти три великих центра современной силы, они возвышались и формировались на некой идеологии, на некой цели, на некой мечте, как говорят авторы, которая была оригинальной. Мечта авторов, изложенная в докладе, она очень правильна, она очень достойна, но при этом она абсолютно типична. В этом случае, если пытались достичь этой мечты, самый прямой и простой способ ее достижения – это, по сути дела, как я говорю, корпорирование ее в каком-то виде в Европейский союз. Это элементарное институциональное корпорирование, которое будет обеспечивать эту мечту. На мой взгляд, сегодня в России нет сил, которые хотят эту мечту реализовать, тех сил, которые ее действительно могут реализовать. Есть отдельные более или менее широкие группы граждан, которые разделяют идеалы авторов, я тоже их разделяю, но мне кажется, что сегодня, заявляя такую цель, получить и элитную поддержку, и народную поддержку для ее реализации почти что невозможно.

Собственно говоря, в этом и состоит моя главная претензия к докладу. В нем нет понимания того, как идти к этой цели. Если мы в очередной раз начнем увлекаться такого рода ценностной мечтой и пытаемся к ней придти без какого-либо пути и четкого механизма действия, мы провалимся в этом деле. По сути, меня пугает идея демократизации в условиях тяжелого и не закончившегося экономического спада. Мы уже в 80-90 годы проходили попытку демократизации в условиях экономического спада, и после этого на протяжении долгих лет идея демократии вызывает у некоторой части общества (значительной) здоровое отторжение.

На сегодняшний день, и здесь уже обсуждалась проблема, идет ли Россия в тупик, я согласен с тем, что она туда идет, но, по сути дела, нужно быть крайне осторожными в том, чтобы она туда пришли под теми лозунгами, которые изложены в докладе. Тем самым они будут отторгаться еще долгие годы. Это вот мое очень серьезное возражение. Мне кажется, что сегодня эти лозунги преждевременны. Я так понимаю, что элитный консенсус более-менее сводится к тому, что мы идем, куда идем, и не свернем с этого пути, и в этой ситуации я не вижу особых шансов на какие-то перемены, пока мы в этот тупик не дойдем. Вот рассказ о том, что можно исправить ситуацию, каким-то образом убедить элиту развернуться, спасти страну от того состояния, в котором она сейчас находится, мне не кажется убедительным. Мы не можем свернуть с этого пути. С тем, чтобы начать реальный поворот, мы должны дойти до этого тупика и понять, куда мы пришли. Только в этом случае тот идеал, который описан в докладе, может получить широкое общественное признание.

Второе замечание, которое я хотел бы сказать – это то, что доклад обращен действительно непонятно, к кому. С одной стороны, судя по статусу института, в котором мы все находимся, он должен быть обращен к президенту, который является председателем попечительского совета. Если бы он был обращен к нему, я, конечно, ожидал бы увидеть в этом докладе больше конкретики. Гораздо более много предложений, четких программных заявлений, отдельных шагов, дорожную карту, о которой здесь говорилось. Потому что все-таки нужно иметь в виду, что через два года Дмитрий Анатольевич Медведев, может быть, а очень хотелось бы, будет участвовать в президентских выборах 2012 года, и на такого рода предвыборных обещаниях, даже если он полностью скопирует свою программу с доклада, который мы сегодня здесь обсуждаем, он много голосов не наберет. Для того чтобы он набрал эти голоса, я, в общем-то, очень хотел бы, чтобы президент Медведев был и президентом после 12 года, а не вернулся Владимир Владимирович Путин, при котором эти доклады вообще не нужны никому, то для этого необходима та программа, которая даст возможность Дмитрию

Анатольевичу в течение двух лет сделать что-то такое, за что значительная часть избирателей зауважала бы его и поддержала бы его на выборах. С этими тезисами это невозможно, к сожалению, дорожной карты в этом докладе нет.

Соответственно, опять-таки, возвращаясь к элитам, я считаю, что элиты не будут подвижны в России и не будут подвержены какому-либо влиянию такого рода документов без внутривнутриэлитного конфликта. В этом отношении, мне кажется, что когда авторы доклада, и сегодня здесь прозвучало, говорят о Медведеве и Путине, как, условно говоря, о людях, которые могут принять модернизацию или не могут принять модернизацию, мне кажется, это иллюзия. Господин Путин не может принять модернизацию и никогда не примет модернизации. И если модернизация может начаться в этой стране, то только в том случае, если внутри элиты случится конфликт. Если убеждать себя в том, что это не нужно, невозможно и контрпродуктивно, мы идем в тот тупик, в который мы идем.

И последнее замечание, и, наверно, закончу, это замечание относительно опять-таки очень многих иллюзий, которые существуют в этом докладе. Фактически доклад повторяет те иллюзии, которые были высказаны президентом Медведевым в своих пяти пунктах модернизации. Мы снова слышим о постиндустриальной модернизации. Господа, назовите мне хоть одну, что такое постиндустриальная модернизация? О человеческом капитале. Как можно активизировать, как можно мобилизовать человеческий капитал в модернизационном усилии? Модернизация – это большое усилие всей нации в масштабах государства и народа. Любые модернизации от 70-х годов в Бразилии до Китайской модернизации – это модернизации, в которые вовлечены значительные массы под серьезным влиянием государства, и где успех этой модернизации становится ясным не сразу, где на протяжении первых лет существуют серьезным образом усиливающиеся экономические проблемы – и расслоение, и высокая норма накопления, и так далее, и так далее, не мне вам объяснять. В данной ситуации все модернизации, которые я знаю – это индустриальные модернизации, основанные на мобилизации силы на конкретное направление. Постиндустриальная модернизация – это действительно модернизация, связанная с созданием Гугла или Майкрософт, но она не управляемая. Эта модернизация – это развитие здорового общества. Поэтому, в принципе, когда мы говорим о модернизации, я считаю, что можно говорить только об индустриальной модернизации, модернизации, идущей по плану, с четкой дорожной картой, которой нет. Мечтать о постиндустриальной модернизации невозможно, я таких не знаю.

То же самое об инновационном развитии. Снова мы видим в докладе очень много о том, что Россия еще не потеряла возможность войти в великий круг стран и так далее, и так далее. Я не вижу доказательств того, что возможности есть, я считаю, что мы отстали настолько катастрофически, и это показывал сегодня господин Дынкин, что действительно нужно говорить, скорее, о заимствовании технологий, о привлечении специалистов, о полной перестройке нашей научной системы, о запуске механизма привыкания, или внедрения инноваций. И опять-таки те же самые разговоры о человеческом капитале, который может вывести нас вперед. Я бы тоже сильно не идеализировал эту ситуацию, как раз он на самом деле действительно не в очень хорошем состоянии, и сегодня мой главный тезис заключается в том, что нам нужна четкая дорожная карта продвижения по пути индустриальной модернизации, и причем такая дорожная карта, которая может быть принята частью элиты, которая ради ее выполнения готова будет пойти на конфликт с другой частью элиты. Если ничего из этого не произойдет, мне кажется, к сожалению, эти мечты останутся мечтами. А эти мечты хорошие, я хочу подчеркнуть. Я не против этого доклада, я против того что, на мой личный, субъективный взгляд, этот доклад менее серьезен и менее фундаментален, чем многое, что было написано ИНСОПом. И в этом отношении мне жалко не того, что он хуже, чем все, что пишется в стране, а мне кажется, что он хуже того, что было написано здесь раньше, и динамика эта не обнадеживает, вот это главное мое замечание к докладу. Спасибо большое.

Гонтмахер. Спасибо, Владислав Леонидович. Дальше Асмолов Александр Григорьевич, пожалуйста.

Асмолов. В самом начале обсуждения, когда высветился текст этого названия, прозвучали замечательные имена Аркадия и Бориса Стругацких в связи с желаемым будущим и попытками моделирования желаемого будущего. Но чем больше я знакомился с докладом, тем больше в моем сознании выступали другие авторы. Есть так называемый план Сэлдона, когда высылают определенную группу инакомыслящих куда-то далеко на периферию Галактики, и она спокойно творит создание академии, что делать, будущего. В этой же работе Азимова сказано замечательная вещь: «Мы не в силах сегодня предотвратить падение империи, она потеряла свою жизнеспособность. Но все, что мы можем сегодня сделать – это хотя бы чуть-чуть сократить период наступающего варварства». Прочитав эти строки, я хочу сказать, что этот доклад для меня невероятно интересен тем, что мало кто в культуре решится сегодня сыграть роль известную в социальной психологии под названием «роль сукиного сына». Дело заключается в том, что когда в обществе шатание и разброд, всегда находится, или сам себя находит сукин сын, против которого все начинают объединяться и говорить: «Мы можем консолидировать усилия». И если речь идет о консолидации общества, а это звучит в докладе, то он может помочь консолидации, вопрос, какой консолидации общества он может помочь?

Кратко. Первый тезис: этот доклад – это интереснейший опыт либерального ценностнополагания. Подчеркиваю, не целеполагания, а ценностнополагания. И как опыт ценностнополагания он мне кажется невероятно важным.

Второе. Это ценностнополагание необходимо для разработки идеологии. А что такое идеология? Идеология – это фабрика мотиваций больших и малых социальных групп. И в этом смысле доклад, если он каким-то образом будет способствовать формированию либеральной мотивации, а это его линия, как бы ни была мала группа, несущая эту мотивацию, мне кажется, это невероятно важно и ценно.

Третий момент. В этом докладе это звучало, не повторяясь, скажу: все реформы разбились о сопромат массового сознания, все реформы, которые затевались в нашей стране и других странах, потому что они не учитывали мотивационный профиль населения той страны, с которой они имеют дело. Мы постоянно натываемся на те же грабли, мы недооцениваем и не ставим, простите, диагноза мотивационному профилю тех групп, которые сегодня работают. И в этом смысле мне кажется, что если бы речь шла о том, что будет продолжаться построение подобного рода планов и проектов, необходим еще один момент – риски сопромата массового сознания, как их учитывать.

Когда мы пишем такие доклады, а этот доклад приятен тем, что в нем есть позиция, и не обливается матом оппозиция, просто заявляется определенная позиция, это всегда конструктивно. Но оппозиция есть, эта оппозиция существует. И уже сегодня, когда говорили коллеги выступающие, я бы большее внимание уделил замечательному ласковому понятию «тупик». Мы все говорим, что мы на развилке бифуркации, но специфика бифуркации в том, как говорил Пригожин, что никто не знает, что наступила бифуркация. И в этой ситуации любой сигнал может изменить движение системы, даже малый сигнал. В других ситуациях он не изменит, а эти сигналы сегодня поступают. И в связи с этим я бы уделил большее внимание анализу рисков.

Перед нами сегодня там звучат мягкие ласковые слова: архаичная политика, архаичные институты, но за этими словами очень тяжелая свинцовая семантика. Мы сегодня присутствуем в ситуации, когда в стране началась широкая программа с поддержкой на большие социальные группы населения, которую я называю «программа клирикальной приватизации сознания». Сегодня идет мощный процесс клирикальной приватизации сознания. Он опирается на серьезные группы, и в этом контексте, мне кажется, что именно с использованием, какое сладкое слово – клирикальная приватизация

человеческого капитала, начиная с четвертого класса, последней четверти. Иными словами мы сталкиваемся с серьезными рисками.

Я сложно отношусь к слову алармизм, но скажу следующее: умеренный ли такой, спокойный алармизм, извините за такую амбивалентную характеристику, он нормален, потому что, когда мы не просто окажемся в этом тупике, а когда... Все-таки, любя Стругацких, я завершу их фразой: «Когда в стране очень много серых, то рано или поздно к власти приходят черные». Спасибо.

Гонтмахер. Спасибо, Александр Григорьевич. Белова Анна Григорьевна, пожалуйста.

Белова. Большое спасибо за возможность высказать несколько слов. Во-первых, я хотела бы начать с безоговорочной поддержки данного документа, потому что мне кажется очень важным сам факт его появления – раз, а, во-вторых, мне очень важным кажется его основной тезис, так, как я его прочитала, это то, что фундаментом для модернизации должна быть либерализация общества. И мне кажется, вокруг этого тезиса, который может стать причиной и поводом для более глубоких и содержательных дискуссий, для рождения документов для разных целевых аудиторий, это точно является само по себе очень сутевым и содержательным.

Во-вторых, я благодарна предыдущему выступающему, я точно так же хотела сказать о важности мотивации при разработке и целеполагании, и хотела привести другую цитату. Я хотела сказать, что реформа Столыпинская в России провалилась, потому что ее не приняли крестьяне, и не поняла интеллигенция. Но не буду тратить время, тезис был уже озвучен, и я с ним абсолютно согласна.

Я хотела обратить внимание еще на два, на мой взгляд, очень важных тезиса, которые необходимо, может быть, дополнительно подискутировать, обсудить, хотелось бы высказаться. Ну, во-первых, я хотела бы начать со спроса на модернизацию, потому что прежде, чем говорить об образе желаемого будущего, действительно, и прежде чем разрабатывать дорожную карту, необходимо понять, а что является драйверами этого спроса на модернизацию. И в тот момент, когда у нас присутствует конкуренция за административный ресурс, а не конкуренция за эффективность, перспективы модернизации сильно снижены. Мне кажется, здесь нужно что-то изменять.

И еще один важный тезис, который мне кажется, важно упомянуть. Да, я, безусловно, согласна с либеральными основами ля модернизации, но объективности ради нужно сказать, что Китай не представляет собой либеральную среду, и вообще-то, опыт модернизации в Китае тоже заслуживает отдельного изучения. В принципе, идея о том, что структура доклада говорит о том, что было бы хорошо, если бы в России была американская модель (я так, утрирую немножечко), потому что многое, что там предложено – это действительно проверено опытом, частично – из европейского опыта политического, социального, институционального, частично – из американского. Это правда, нужно брать все хорошее. Но мне кажется, нужно смотреть о практических аспектах реализуемости и перехода к этим идеальным конструкциям для нашего общества. Поэтому, мне кажется, еще важная вещь – это доминирование государства в экономике, потому что тот самый спрос на модернизацию – это самое главное, тот стейк, который сегодня принадлежит государству, а здесь недостаточное качество управления, потому что государство не является эффективным управляющим. Здесь высокая инерционность, а это означает, что замедление вообще процесса внедрения инноваций, и целый ряд моментов, которые требуют в качестве первоочередных шагов реального решения.

Ну, и в заключении я просто последние десять лет профессионально занималась в бизнесе проблемами, связанными с трансформацией крупных систем, с управлением процессом внедрения изменений. И поскольку это было моей ежедневной работой, я действительно старалась много об этом думать, анализировать и знакомиться с лучшими практиками. И вот ничего личного, цитата из классики теории управления процессом

внедрения изменения: «Система не может быть трансформирована, находясь в одной парадигме изнутри себя. Невозможно совмещать трансформационные процессы с операционным управлением в системе. Это другие компетенции, это другие люди». Безусловно, вектор и флаг модернизации должен быть поднят руководителем, управляющим системой, бизнесом, государством, но команда, которая будет реализовывать модернизацию, она должна быть отделена и наделена специальными полномочиями. И мне кажется, это очень важно, поэтому более детально мне представляется важным проработать как раз тот имплементационный механизм, который позволит сделать конкретный шаг. И не только с точки зрения того идеального будущего, которое мы видим, но практика показывает, что при модернизации системы очень сложно достигнуть консенсус относительно того самого будущего. А в тот момент, когда у вас на старте нет консенсуса, у вас очень много сопротивляющихся, и вы можете завязнуть на стартовых этапах модернизации. Очень интересная технология.

Давайте не будем долго дискутировать о целевом состоянии, давайте мы определимся о списке первоочередных задач, с которыми согласны большинство, то, что масс, то, что делать нужно, необходимо на этом этапе. Давайте вокруг них консолидируемся. И в смысле этого списка первоочередных задач может быть как среднесрочное и краткосрочное целеполагание, так и, наверно, очень интересный опыт проанализировать, а какими мы не только хотим быть, какими мы хотим не быть, и что из действующих сегодня регулятивных, правительственных, законодательных, управленческих норм ведет нас, собственно, в ту сторону, какими мы не хотим быть. И давайте сразу определим четкий план exit strategy □ выход из тех решений и тех конструкций, которые точно не двигают нас в желаемом направлении. Спасибо.

Гонтмахер. Спасибо. Томчин Григорий Алексеевич, пожалуйста.

Томчин. Я хотел очень сильно критиковать программу, но здесь очень много уже наkritиковались. Я хочу сказать, что я до каждого слова поддерживаю первые тринадцать страниц розданного документа, а в компьютерном варианте – это двенадцать. До последнего слова. Это ценностная часть.

Что дальше, и вообще дальше какой это документ? Я его воспринимаю как некое политическое эссе, которое должно быть сильно перед критиками другой стороны. Так вот дальше оно слабо перед подготовленными критиками другой стороны. Именно в этом слабость, потому что там подменены, и это главное, вместо целей, даже не целей, вместо, я бы сказал, целеполаганий там уже инструменты. Вот то, что там инструменты – это слабость, потому что даже у сидящих здесь для одной и той же цели ровно столько инструментов, сколько здесь сидит людей. И поэтому это место слабое.

Пример. Военная реформа. А вот надо бы написать, для чего нужна армия вот в этой стране, не вообще армия, а в этой стране сегодня для чего она нужна. Ну, скажем, спорно – для сохранения жизни и здоровья людей, всех граждан от внешнего влияния, в том числе и находящихся в военной форме. Вот тогда мы будем говорить, каким инструментом это сделать, потому что стратегия, допустим, упреждающего ядерного удара не ведет к сохранению жизни и здоровья граждан своей страны, и тем более в военной форме. Вот тогда мы выходим к цели.

Теперь кто у нас движущая сила. Все говорят: «Нет движущей силы, поэтому мы должны найти движущую силу в другой части общества, которая нас не поддерживает. Потом прийти с этой движущей силой туда, где принимают решения, и там принять правильное решение». Не бывает. Движущая сила сегодня появилась, и спасибо авторам, что они в этот момент (а, может, они не знают, что она появилась). Сегодня у нас две движущие силы. Это, как показал нам Владивосток, Калининград и Речник – проснувшаяся часть общества. Это не слабо – Владивосток, Калининград и Речник. Эти конфликты были последнее время очень много, но в это не выливались. Это первое.

Теперь к кому обращен доклад. Доклад обращен к первым двум лицам страны. А вот от кого доклад? Не от ИНСОРа. Если это понять, не от ИНСОРа, а доклад от сидящих

в этом зале и плюс еще несколько за пределами, сколько, не знаю, но несколько за пределами сотен людей, тысяч людей. Публичный доклад от ИНСОРа, и вот его надо так и воспринимать.

Теперь по поводу того, с чего начать, с какой дорожной карт начать, с какой вот в этой части дорожной карты начать. Я думаю, что начать надо с уважения того института, который мы не уважаем, просто с уважения его. И это уважение должно быть от этих первых лиц. Этот институт называется парламент. Я понимаю, что все попробовали (я уже увидел взгляд на меня) работать с парламентом в это время. Когда управленец что-то придумал, что-то согласовал в аппарате, в государстве, приходит в парламент, а там начинается все снова, да еще и непрофессионально, ему хочется этот парламент задушить. Без парламента не будет ничего, причем уважать надо тот парламент, который сейчас есть. И первая задачка, которую может сделать без всяких эта власть – это запретить исполнительной власти вносить законопроекты в парламент, просто взять и запретить. Даже в этот, даже где одна Единая Россия, даже где она работает по команде, вот с этого начать – опубликовать кухню разработки. Без этого сегодня не будет ничего. Ну, и некоторые такие, может быть, специфические, которые не употреблялись, я не могу вспомнить, историки парламентаризма, может, вспомнят, скорее всего, не употреблялись. Скажем, все, кроме бюджета, если в парламенте у нас там, допустим, четыре партии, система голосования не большинством людей, а обязательным наличием большинства трех партий. Да, вот те, кто работает во власти или работал во власти, скажут: «Вы что, мы даже не примем ни одного решения». Но мы начнем изменять эту политическую систему.

Почему эти два лица будут это делать вот сейчас? Потому что, я считаю, что уже наступило понимание, что они потеряли власть. Это движущая сила. Либо она наступит от обсуждения. А вот появление доклада ИНСОРа говорит мне о том, что наступило. ИНСОП же – это один наш представитель экспертного сообщества, который слышат. Остальных-то не слышат с нашей стороны, а ИНСОП слышат. Владивосток, Калининград и Речник и доклад ИНСОРа, на мой взгляд – это понимание, что это наступило. И потом мы сделали уже одну инновационную экономику за это время, мы сделали, наша страна сделала инновационную экономику целой страны – Финляндии. Именно за это время, без потрясений, с модернизацией, без напряжения. Сделано.

Я хотел сказать последнюю фразу. Инновационная экономика в старейшей стране в бездорожье. Как вам? Или же инновационная экономика параллельно с другими экономиками в одной и той же стране. Это то, что хочет сделать РОСНАНО сейчас. Вырезать инновационную экономику, ее там сделать, почистить и показать – мы сделали. Спасибо.

Гонтмахер. Раз о парламентаризме, я вижу, у нас тут есть коллеги. Владимир Александрович Рыжков.

Рыжков. Хорошо, что здесь выступили уже с критикой, потому что есть возможность уже такую острую дискуссию завязать. Я люблю острые дискуссии. Пункт первый: полностью поддерживаю доклад. Ничего даже не буду критиковать, потому что мы, интеллигенция, любим друг друга покритиковать, порываться в мелочах. Что там? В целом все правильно: открытая страна, ориентация на развитые страны, либеральная политическая система, либеральная экономика, совершенно внятные реформы, которые предложены. Поэтому первый пункт – полностью поддерживаю доклад.

Теперь по поводу возражений, которые прозвучали. Возражение первое: нет слоев, которые будут поддерживать модернизацию. Не согласен. В этом зале находится замечательный Михаил Афанасьев. Я в последнее время его исследования постоянно цитирую. Всем советую – «Либеральная миссия», есть на сайте, можете скачать, почитать. Первое в российской истории научное, фундаментальное, без всякой политики исследование настроения элит. Михаил Афанасьев опросил более тысячи человек от армейских офицеров-ФСБшников до врачей, учителей, предпринимателей, региональных

депутатов, федеральных, региональных, местных чиновников и так далее, двенадцать отрядов элиты. Из двенадцати отрядов элиты только две с перевесом больше половины голосов поддерживают путинскую вертикаль – чекисты и федеральные чиновники. Все остальные – местная элита, региональная элита, журналисты, адвокаты, предприниматели, армейские офицеры, что интересно, говорят о том, что их категорически не устраивает вертикаль, и что она нанесла больше вреда стране, чем пользы. Это миллионы людей, если брать с семьями. Как нет сил для модернизации?

Больше того, Михаил Афанасьев установил иерархию ценностей для них, что их больше всего напрягает. Пять вещей: самая раздражающая вещь – отсутствие свободных и честных выборов, вторая раздражающая вещь – слияние власти и собственности, которую в простонародии называют коррупцией, третья раздражающая вещь – это отсутствие равных условий на рынке, четвертая раздражающая вещь – небеззащитная собственность (Речник это показал), и пятая – суд, отсутствие правосудия. Но по этим вещам 70-80% консенсус в стране, что это никуда не годится, и нужно менять. Консенсус 70-80% среди тех людей, которые руководят нашей страной. Вы скажете: «А где же их митинги и демонстрации, где митинги налоговиков, армейских офицеров?» Низкое доверие, деморализация, запуганность, апатия, но понимание уже есть того, что это абсолютно тупиковый путь.

Славе Иноземцеву ответу. Какие были силы модернизации в Корее сорок лет назад? Крестьянская страна, армейские гарнизоны американские? Какие были силы модернизации, кроме Дэн Сяо Пина в Китае в 78-м году, после банды четырех и двадцати лет культурной революции? Какие были силы модернизации? Какие были силы модернизации у Ли Куан Ю в Сингапуре в 59-м году, когда он выиграл на свободных выборах у коммунистов и начал строить Сингапурское чудо? Вообще никого не было. Английские колонизаторы, которые скоро оттуда сбежали. У нас гораздо больше сегодня сил модернизации, чем в этих всех странах.

Дальше. Нам говорят: «Давайте пойдем по авторитарному пути, как Китай», сегодня уже упоминалось это. Слушайте, друзья мои, Аня, да вообще нет ничего общего между нами и Китаем в том смысле, что китайское руководство бизнесом не занимается. Я уже устал это объяснять. Девять постоянных членов политбюро не крышуют бизнес. За сращивание бизнеса и публичной власти – расстрел. Три главы нефтяных государственных компаний расстреляны. Я предлагаю расстреливать. Если мы берем, как предлагает Иноземцев и Белова, китайский вариант, давайте расстреливать. Сингапур. Нам говорят: «Изучайте азиатский опыт». Я не поленился, изучил. Прочитал замечательную книжку Ли Куань Ю «Из третьего мира – в первый». Харизматический лидер, пришедший к власти на свободных выборах, с английским образованием, не взявший за всю жизнь ни копейки, посадивший трех своих друзей-министров за взятки, пассионарий, который главным условием реформ делал отсутствие коррупции. Друзья мои, а мы-то о ком, о Сечине говорим? Мы вообще понимаем, что такое азиатская модернизация, и что такое российская модернизация?

С Анной соглашусь, абсолютно правильно: не могут реформы делать те, кто занимается реальным управлением. Сегодня в России три самых мощных группы... есть еще такая теория научная, вы в сто раз лучше меня знаете, группы интересов, или группы влияния, их много лет на Западе изучают. Три ключевые группы влияния в современной России – федеральные чиновники, силовики и крупный бизнес, олигархи. Из них хоть одна группа будет что-то менять? У них есть хоть какой-то интерес к модернизации? Да нет, конечно. Поэтому есть реальный раскол в обществе, в элитах, на тех, кто категорически не приемлет модернизацию (они сегодня у власти), и на тех, кто понимает тупиковость нынешней ситуации (они сегодня не у власти, но они есть, их миллионы).

Сейчас мы делаем исследование с Башкировой и партнерами, как раз мы попытаемся еще глубже залезть вот в эти 20%, либеральный проевропейский сегмент нашего общества, и понять их настроение на сегодняшний текущий момент, конец

прошлого года – начало этого года. Думаю, у нас будет возможность представить общественности это исследование.

Безусловно, этот доклад своевременен, точно отражает вызовы. Хотя, конечно, там, Женя, я согласен, что можно было бы сказать правду о том, что с нами происходит, потому что это там обойдено, а оно бы не помешало, некоторые бы задумались. На самом деле сказать, что с нами происходит. И самое главное, я хочу сказать, что за этими взглядами стоит большинство российских элит, десятки миллионов наших граждан, которые это поддержат. И мы должны, уже как политик скажу, мы должны оказывать давление и сегодняшней конференцией, и акциями протеста, и Калининград, и сбор подписей, надо делать компании в поддержку перемен. Не быть пассивными комментаторами того, что предлагается, а оказывать давление. То, что мы сегодня делаем, и то, что делает ИНСОП – это оказание давления на власть и на общество в направлении перемен. Если мы этим будем заниматься, я уверен, что модернизация возможна, необходима, именно по тому либерально-демократическому сценарию, о котором говорит ИНСОП. Спасибо.

Гонтмахер. Спасибо, Владимир Александрович. Мы хотели, честно говоря, страшилку вставить, у нас было такое желание, но мы побоялись того, что и так чернухи слишком много вокруг нас, и мы все это понимаем. И повторять это, вот тут нам бы точно сказали: «Ребята, это банально». Потому что мы все понимаем про дороги, Григорий Алексеевич, мы понимаем, Владислав Леонидович, про строительство, про деиндустриализацию. Все правильно, это можно было бы сделать. Если вы хотите, мы это сделаем. Спасибо. Я хотел бы попросить выступить одного из авторов доклада. Григорьев Леонид Маркович, пожалуйста.

Григорьев. Я хотел тоже сказать несколько слов. Во-первых, я хочу сказать, что мы все-таки пытались, все страшилки мы написали два года назад. Была работа по коалиции, была толстая книжка, так что это мы писали, и это было рассчитано тогда на более целенаправленно, соблюдались правила аудитории. Мы говорили, что вот это мы от этих, вот для этих, давайте, вы группы по интересам, вы договоритесь, мы коалиции для будущего писали. Прошло два года. Пришел кризис, и даже правоохранительные органы с ясным взором говорят, что коррупция усилилась, то есть нерациональное поведение целых больших сегментов и элит, и общества, и бюрократии в кризис показало, что мы не продвигаемся в этом направлении. Поэтому возникла идея, я считаю, что Женя сделал гениальную вещь, как за двадцать лет никто не догадался это сделать? Понятно, что сначала по инерции все шли куда? Куда мы уходили двадцать лет назад? Мы уходили от советской системы, от госплана, собственности, и соответственно от бессмысленной холодной войны. Ну, как-то мы вроде тогда, практически, как Восточная Европа, думали, что мы там быстро попадаем в среднеразвитый демократический рыночный капитализм. Естественно, этого не получилось, но никто почему-то не догадался сформулировать новую задачу. Является ли появление такой работы и эта идея символом того, что общество начинает созревать для новых задач, ну, будем надеяться.

Я хотел остановиться на чем еще? Интересы. Мне уже прислали пару всяких сообщений: «А где у вас разработки интересов, кто, что?» Вы понимаете, во-первых, мы попытались это сделать, это не подхвачено было. Во-вторых, это, конечно, утопия, это большой горизонт вперед, прочесть... Сэлдон, там дело было не во второй фаундейшн, кто помнит истоки, там же дело было в том, что он просчитывал кризисы, прежде всего, вперед. Она страховала развитие на последнем этапе, и проблема просчитать сейчас на тридцать лет вперед, проблема заключается в том, что это проблема горизонта видения элит. Если у вас горизонт – год-два пережить кризис, вывезти капитал к детям за границу, которые обучаются, как правило, в Лондонской школе экономики или что-нибудь в этом роде, то какие проблемы с таким горизонтом, какие кризисы, какая модернизация? Поэтому проблема постановки перед обществом, что ребята, у нас есть интересы общие, они по любому не реализуются сейчас.

Кроме того, я напомню, что все-таки на сегодняшний день все, кто младше тридцати пяти лет, в Советском Союзе не жили, рассказывать про достижения ухода от социализма уже некому, а они живут в совершенно другом мире, информационно открытом, они путешествуют, они половина там, половина тут. Им надо предлагать новое видение мира, новую мечту, а либеральные или клерикальные – это все стариковские разговоры. Где новое видение мира для тех, кому тридцать пять лет и младше? Что мы говорим детям? Вот это должен быть новый дискурс. Поэтому проблема.

Теперь угрозы. На презентации журналисты меня спросили: «А мрачные угрозы?» Я нашел мрачные угрозы, даже ради этого я создал блог и вывесил. Такая не кровавая совсем, не бойтесь, это совершенно такая мирная, тихая угроза, абсолютно безобидная. Проходит два поколения, в стране остается три категории людей – эмигранты, рантье и охранники. Охранники охраняют для рантье различные природные ресурсы и друг от друга, как сейчас охранники охраняют от милиции, милиция – от охранников, охранники – друг от друга. У нас там, где за рубежом одна консьержка, у нас два охранника пишут заявления выдать пулемет и посадить напротив точку на всякий случай. У нас не хватает рабочей силы, все мужики в городе охранники. Вся армия, отслужив, немедленно переходит в охранники. Поэтому вот это серьезная угроза для инноваций.

Поэтому, конечно, задача этой работы не в том, чтобы написать дорожную карту. Ну что же мы будем там в таком тексте выхватывать? Да я нарежу вам из этого текста за вечер под любую аудиторию, на любую аудиторию. Вы мне скажите, для какой – утром получите, останетесь довольны. Но не в этом же дело. Проблема же в том, как мы хотим видеть страну. Мы так вот совсем и не собирались это обсуждать, мы совершенно не хотим это знать. Ни мы не хотим, меж собой передеремся сейчас, будем говорить: «Нет, вот у тебя в шестом пункте модернизации ять не так стоит». При чем тут это? Проблема в том, мы хотим в этом обществе знать, куда мы хотим попасть через поколение или нет, или не хотим. Вот, на мой взгляд, это единственная задачка, это проблема новой мечты.

Гонтмахер. Спасибо. Николаев Игорь Алексеевич, пожалуйста.

Николаев. Спасибо. Я постараюсь лаконично. Поэтому сэкономлю, прежде всего, на оценке плюсов, я думаю, так и авторам будет лучше, просто скажу, что я оцениваю материал доклада со знаком плюс, безусловно. Ну, а в качестве того, что хотелось бы видеть, и это получается уже больше критических замечаний, хотелось бы сказать о следующем.

Я понимаю, образ желаемого будущего тоже, собственно говоря, важен, нужен, но как неоднократно справедливо указывалось, все-таки когда образ, он слишком большой, даже если по тексту посмотреть – пятьдесят страниц примерно – это образ, а вот что-то с претензией на план действий, или как любят выражаться, мне это не очень нравится слово – дорожная карта, это десять страниц. Вот соотношение.

Гонтмахер. Есть такое русское слово – стартап.

Николаев. Дело в том, что образ, цена образа, ценность образа во многом определяется тем, чтобы ни у кого не возникало сомнения, что это именно тот образ, который нам нужен. А во-вторых, как его достичь. В противном случае это получаются благие пожелания, а известно, чем вымощена дорога в ад. Ну ладно, я что-то мрачно.

Что касается политических реформ, то тут авторы поступили совершенно справедливо. И, на мой взгляд, задачка решались просто. То, что сделано было в последнее время, надо сделать с точностью до наоборот. Если были отменены региональные выборы, то, соответственно, надо ввести. И получается отличная программа на самом деле. То есть очень простой путь сделать отличную политическую программу. На политической составляющей я остановлюсь. Трудно здесь возражать, я все-таки экономист.

По экономике. Самое принципиальное, на мой взгляд, по экономике, так совпало, что я обратил внимание, в конце января Назарбаев выступил с посланием. Здесь основная идея какая? На мой взгляд, что касается экономики, это то, что у нас размен

форсированного развития на качество роста стал макроэкономическим эквивалентом модернизации. То есть не надо нам форсированного развития. Причем, как я понимаю, форсированное понимается, ставится знак равенства между тем, что было, а был спекулятивный разогрев экономики, вот это не равняется форсированному развитию. На мой взгляд, такое равенство присутствует, знак равенства, поэтому мысль «не надо форсированного развития, вот надо поспокойнее». Знаете, я не даром упомянул послание Назарбаева. С точностью до наоборот, там стратегия 2020, несколько дней назад выступил, ставится вопрос именно о форсированном индустриально-инновационном развитии. И это справедливо. Кризис – это время, когда смена экономических сил происходит очень резко. Кто-то вперед вырывается, кто-то отстает, кто-то куда-то в сторону. Понятно, Казахстан тоже имел положительные темпы роста, 1,2% роста в прошлом году. Вот совершенно справедливая постановка вопроса. Поэтому я просто не соглашусь, что нам надо отказаться от форсированного развития, как будто бы именно форсированное развитие привело к тому, что случился кризис. Да не форсированное развитие, а именно спекулятивный разогрев экономики. И это не одно и то же.

У меня есть, конечно, замечания и по тому, что мне совсем близко, допустим, по инновационной экономике, но я понимаю, много человек, и уже люди устают немного, поэтому я это просто опущу. Если авторам интересно, я думаю, найду возможность и просто эти предложения высказать им лично.

Что хотелось бы сказать в заключение? На мой взгляд, просто пошутили с мечтой. Я, когда об этом подумал, вспомнил, что кто-то вроде бы хорошо сказал на этот счет по поводу пошутить с мечтой, и стал искать. Нашел цитату: «Шутить с мечтой опасно, разбитая мечта может составить несчастье жизни. Гоняясь за мечтой, можно прозевать жизнь». Самое интересное, что в одном источнике ее приписывают Герцену, а в другом – Писареву. Поэтому не могу сказать, извините, точно, кому, но именно так, не надо шутить с мечтой. А вот когда мы без должного анализа, без доказательства того, что именно это образ желаемого будущего, о чем говорил господин Орешкин, без последовательного четкого плана действий, а что надо делать тогда, чтобы достичь, о чем говорил Иноземцев и другие, вот это получается шутка над мечтой. Поэтому я надеюсь, что мы с этим делом будем более аккуратно обращаться, но с плюсом.

Гонтмахер. Спасибо. Я хочу сказать, Игорь Алексеевич, если есть какие-то конкретные материалы, о которых Вы не успели сказать, то мы их включим в публикацию. Это относится ровно так же ко всем, кто, допустим, не успеет выступить. Вишневский Анатолий Григорьевич.

Вишневский. Спасибо. Я скажу сначала несколько слов о своем, а потом еще несколько слов об общем. Вот лет десять-двенадцать назад я встречался с Егором Тимуровичем Гайдаром, и речь шла, он попросил меня представить свое видение нашего демографического будущего. И когда я с ним об этом говорил, и рассказал все, и сказал, что нам не избежать миграции, то он прореагировал на это фразой, которую он потом не раз повторял, таким лозунгом: «Россия – Америка двадцать первого века». Вот мне очень понравилась эта реакция и эта фраза, которую я тоже сейчас иногда повторяю, и вообще вот этот стратегический взгляд на будущее, что действительно (реально, не реально – это сейчас, может быть, немножко другой вопрос) вот это вот представление, что если у России вообще есть шанс, то это стать Америкой двадцать первого века, включая и прием мигрантов, которые сделали Америку, мне кажется абсолютно адекватной реакцией на то, что у нас сейчас происходит, и что должно было бы происходить или будет происходить.

Если мы прочтем, что здесь написано, то вот элемент образа будущего: «Численность временно трудовых мигрантов жестко регулируется государством, они привлекаются на заранее оглашенные рабочие места, которые не могут быть заняты гражданами России, с использованием процедур, большинство из которых выполняется перед въездом в страну». Вот это образ будущего такого милицейско-полицейского и больше никакой, потому что здесь вообще нет как бы... ведь ценность мигрантов не в том,

какие они места занимают, а в том, что это люди, которые оказываются в силу своего маргинального положения чрезвычайно ценной добавкой, о чем свидетельствует опыт всех стран, которые принимали мигрантов, и прежде всего, Соединенных Штатов, которые созданы мигрантами. Здесь же они просто как такие...

Гонтмахер. Речь идет о временных трудовых мигрантах, Анатолий Григорьевич, а не о тех, кто едет на ПМЖ.

Вишневский. Они приезжали, как временные, а потом все русские эмигранты, которые бежали от революции или от гражданской войны, не думали, что они туда навсегда приехали. А потом какой они вклад внесли в развитие Франции – в экономике, культуре и так далее. Поэтому вот это просто...

Но я хочу сказать не об этом, я хочу сказать о том, что вообще здесь почти не присутствует демографическая компонента, которая на самом деле, но это наш общий грех, никто не хочет с этим считаться. Вот Владимир говорил о том, что у нас есть в элите. У нас нет молодежи. Вот сейчас мы говорим о том, что это заметили, что абитуриентов будет больше, чем мест в ВУЗах, и это создает проблемы и так далее. Это ведомство, министерство соответствующее волнует. Но это создает проблему для общества, потому что нет напора молодых сил, а те представители элит, которые уже сидят на своих офицерских или начальственных должностях, они могут там поворчать немножко, и все, они устроены. А вот когда нет напора молодежи, нет и сил, которые побуждают, толкают, стимулируют модернизацию. Это то, что я хотел коротко сказать как демограф.

Но я хочу еще одно общее соображение. Вот Дмитрий Борисович здесь говорил о том, что не ясно, кому адресован этот документ. Мне кажется, у него есть еще один недостаток – не ясно, от кого он идет. Тут почти все выступающие употребляли слово «мы» □ мы хотим, мы сможем, мы не сможем. Это такое «мы» традиционное, кто мы? Есть образ будущего, желаемого будущего один, и здесь собраны те, кто, в общем, разделяет этот образ будущего в основном, и я его разделяю. Но есть масса других образов будущего. Есть образ будущего у нас, в России, например, евразийская картина – нечто вроде коммунизма, только чтобы там была не КПСС, а православная церковь. Есть, и они декларируется, и в той или иной степени его пытаются реализовать. Есть множество других. Надо ли и можно ли претендовать на то, что этот образ может быть для нас для всех общий? Это, так сказать, новый вариант единой России, или что-то в этом роде, единой не в смысле партии, а в смысле лозунга. Так не может быть. Наше общество достаточно развитое, достаточно сложное внутреннее, достаточно дифференцированное, и неизбежно существование разных образов будущего. Поэтому проблема заключается в том, как эти разные образы будущего совместить, сочетать и двигаться вперед, а не все время бодаться между вот этими разными картинами будущего.

И поэтому вопрос вообще о социальной базе такого развития, я согласен там с критикой частных вещей, но понятно, что общая направленность мне нравится, но если нет социальной базы, ведь, например, либеральные идеи были очень хорошие еще в начале двадцатого века, то, что писал Милуков – почему бы и нет, но это же оказалось утопией, такой же утопией, как другие утопии.

На кого опираться? Если этот вопрос не проанализирован, если не ясно, кому нужен и кто не может жить, ведь есть целые слои населения, которые без такого будущего жить не могут. Тот же средний класс в тех или иных его проявлениях, это ему нужны либеральные политические формы, ему нужна охрана собственности, предпринимательства, и так далее, но это нужно не всем. Так вот, если делается попытка выразить такой образ желаемого будущего для всех, как сказал поэт, такая общелягушечья икра, то это, к сожалению, остается просто благим пожеланием.

Гонтмахер. Спасибо, Анатолий Григорьевич. Пожалуйста, Игорь Борисович Чубайс.

Чубайс. Так, я привык к тому, что в середине выступления мне говорят: «Регламент». У меня будет шесть коротких тезисов, попробую их сформулировать.

Первый тезис: официальная наука совершенно бесплодна. Ждать, что она найдет решение – это все равно, что ждать, что сами чиновники себя реформируют, или кто-то сам себя за волосы вытянет. Это нереально. Поэтому надо учитывать, что у нас существует несистемная наука, совсем иная, для которой «дворцов заманчивые своды не заменят никогда свободы», и без подходов этих исследователей решения найдено не будет. В качестве аргумента один просто тезис. Из всей советской науки, где была масса докторов, академиков и прочей дребедени, пожалуй, два имени осталось – Амальрик и Авторханов, причем, в общем, Амальрик тоже, конечно, напутал, но, тем не менее, на него ссылаются.

Второй тезис: зачем вообще нужна модернизация? Она превращается в некую высшую цель, абсолютный идеал, в нового бога. Вот еще двадцать лет назад, тут много людей, таких же старых, как я, я только Ленина в гробу видел, а так я всех остальных – Сталина видел и так далее на Мавзолее, то есть я достаточно старый, хотя чувствую себя нормально, вот есть люди моего возраста, они помнят, как двадцать лет назад, когда нам орали про рынок в выступлении, рынок, рынок все решит, такой оргазм испытывали, заставляли испытывать. На самом деле рынок разрушил здравоохранение, образование, науку, культуру, искусство. Он не применим здесь, он деструктивен. Вот нечто похожее с модернизацией, модернизацией, которая ведет к безудержному потреблению, бессмысленному, не может мир потреблять столько, сколько потребляет США, нет таких ресурсов на земле. Даже если китайцы будут не двадцать часов работать, а двадцать четыре, они не смогут жить, как американцы, это известно и доказано. Модернизация ведет, скажем, к однополым бракам, к абортам и так далее, и так далее, все это бессмысленное потребительство. Не буду говорить подробнее, потому что просто не хватит времени.

Надо иметь в виду другое: когда караван верблюдов бежит вперед, и оказывается, что бежит не в ту сторону, последний оказывается первым, потому что все поворачиваются и бегут в другую сторону. Вот это надо учитывать. Нужна ли нам такая модернизация, нужна ее критика?

Третий тезис: надо не дорожную карту строить, как многие предлагают, а надо построить карту в прошлое, почему модернизации не было до сих пор. Россия нуждается в ней девяносто лет. Кто-то здесь гадость сказал про Столыпина и глупость, Столыпинская реформа абсолютно эффективно работала и она вытягивала Россию, она подымала Россию, она выводила в мировые лидеры. Так вот почему это не Столыпинская реформа не сработала, она сработала даже в условиях войны. Это была единственная страна в первую мировую войну, у которой не было карточной системы, в которой ели все вдоволь, и шла мировая война. Все жили по карточкам, а Россия питалась. Так вот нужно понять, почему девяносто лет не было модернизации, что ее держит? Вот это нужно понять. И держит в частности много факторов, но я один назову, который очевиден, но не звучит: абсолютно антисоциальный характер государства. Потому что, когда жена Лужкова, получая, расписывается официально за семь миллиардов рублей дохода за год, это зарплата пятидесяти тысяч учителей в России, то тогда, если такой верх, то неизбежно будет милиция, которая стреляет в народ, неизбежно будет Речник, когда ветеранов в год Победы в 28-градусный мороз выкидывают на улицу. Такого фашисты не делали, они с мирным населением так не работали, потому что всех нужно озаботить, потому что все должны бегать за справками, должны собирать разные документы. Потому что если они будут свободны, они с вернут к чертовой матери этот режим. Поэтому антисоциальный характер государства – вот что не позволяет делать модернизацию, она не нужна этой власти.

Следующий пункт: я бы предложил начинать не... то есть нужны глобальные идеи, абсолютно необходимы, и проект России будущего нужен, но я бы предложил сделать совершенно практический проект, например, такой: у нас по существу идет гражданская война с народом, у нас четыре с половиной миллиона бомжей – это наши люди, наши

граждане, которых выкинули на улицы. Там 10% людей с высшим образованием. Слушайте, ну, сколько можно? И каждый год на сто тридцать тысяч их больше становится. Давайте это прекратим, давайте устроим проект расселения. У нас двадцать тысяч деревень брошено, у нас уже сейчас моногорода бросаются, у нас разрушается дачный сектор. Давайте этих ребят, сделаем проект, как обустроить их жизнь, как сделать так, чтобы они нормально жили. Это наши соотечественники, мы деградируем, не они, а мы, если мы смотрим на то, как это происходит, и нам все до лампочки, мы превращаемся в зверей, в социальных импотентов, которым плевать на свою страну. Практические проекты, я называю один из возможных.

Наконец, пятый пункт: какая страна, какая идентичность нам нужна? Сразу скажу, что, скажем, в проекте я не увидел слова «сталинщина», но сталинизм, вообще нельзя жить нормально с гранатой или с динамитом под подушкой, так не бывает, нельзя жить со сталинщиной. Но, говоря коротко, когда у страны нет идеи идентичности, это, для краткости, все равно, что летит прекрасный самолет, великолепно выкручивает фигуры, пилотаж и так далее, и вдруг у него отказывает двигатель, он падает в штопор и разбивается. Страна без идеи – это как самолет без двигателя. Он рухнет, он падает, он падает у нас на глазах, у нас идет абсолютное разрушение нравов, морали и так далее. И так далее. Нужна идентичность. И бессмысленно ждать детей, если кто-то живет с резиновой женщиной, он может с ней жить долго, ничего не получится. Нет страны без идеи, без идентичности, это немыслимо, это преступление, когда страна не определила свои правила. Эта проблема решена, это надо учитывать.

Ну, и последнее. Это просто я еще успею, здесь либеральные, я даже успею поспорить. Тут говорят: «А кто союзник реформ? А народ не готов» и так далее – вечные фразы. Вот надо вам принять аксиому: на самом деле вообще народ наш не виден, нет народа. Вчера мне звонили польское телевидение, говорят: «Мы приедем, у нас сложная ситуация, мы опрашивали всех на улице, надо захоронить Ленина или нет, и все говорят, что нет, зачем, Мавзолей нужен. Вот все говорят, мы на Вас надеемся». Так вот дело не в том, что все считают, что Ленин нужен, а дело в том, что есть товарищ Эрнст и ряд других товарищей, и мы работаем не с общественным мнением, его нет, а мы работаем с эффективной пропагандой, которая одурачивает всю страну, как в идиотов превращает. Поэтому что думает народ, для этого нужно снять вот ту пленку, ту чугунную крышку, которая лежит на наших головах, на головах нашего общества, и тогда можно будет понять, что думают люди. То есть без освобождения средств массовой информации модернизация невозможна.

Последнее, что скажу, я готов, я никогда не работал с государством, я готов работать с вами бесплатно, и других людей, которые...

Гонтмахер. Мы к государству не принадлежим никак.

Чубайс. Да, но вы при президенте.

Гонтмахер. Он председатель нашего Попечительского совета. Есть такой миф, который раздувают некоторые политтехнологии, что ИНСОП, оказывается, бюджетные деньги потребляет. ИНСОП не имеет ни копейки бюджетных денег. Поэтому спокойно, Игорь Борисович, можете работать с нами, не бойтесь, мы к государству не имеем отношения никакого. Спасибо. Афонцев Сергей Александрович, пожалуйста.

Афонцев. Коллеги, прежде всего, я хочу пояснить свое отношение к этому докладу. Для меня это strategy papers, а не policy advice, поэтому говорить о том, кому это, для кого, где тут дорожная карта, какие здесь инструменты, я не буду, просто потому что здесь жанр другой. А жанр этого доклада предполагает дискуссию по поводу ключевых приоритетов в стратегии развития страны.

И в этой связи я хотел бы сфокусировать свое внимание на очень важном моменте, связанном с ролью реформы политических институтов. Как ни странно, ровно этот момент вызвал наибольшую критику и в средствах массовой информации, и в экспертном сообществе. Зачем нам нужна либеральная демократия, когда вроде и так хорошо?

Давайте делать модернизацию с тем, что у нас есть. Ключевой аргумент заключается в следующем, что альтернатива модернизации на основе либеральной демократии ровно одна. Собственно говоря, она озвучена господином Иноземцевым, который сейчас ушел. Это такая технократическая автократия. Если говорить о том, кто возвращает нас в прошлое, то вот идея технократической автократии нас возвращает ровно в прошлое, в начало девяностых годов, только тогда мы говорили о том, что вот есть некоторые такие технократы-рыночники, они с неба упали и сейчас нам все сделают. Сейчас нам говорят, что, оказывается, есть технократы-государственники, которые тоже с неба упали и устроят нам принуждение к инновациям. Так вот технократов нет вообще. Любой субъект принятия политических решений взаимодействует либо с бизнесом, либо с обществом, либо с тем и другим, и вопрос заключается в том, он взаимодействует конструктивно, на основе партнерства, или взаимодействует коррупционно, на основе разворовывания того, что есть.

И вот здесь ключевая разница между моделями развития. То, что говорят про азиатскую модель: «Смотрите, там автократия», над идеями о том, что там автократия и технократия сами азиаты смеются, надрывая животы. Если вы посмотрите на все модели, начиная от революции Мэйдзи, и кончая малайским опытом, о котором сейчас любят все говорить, посмотрите, там идет четкая модель консенсуса между принимающими решение сторонами и бизнесом. Это модель, которая основана на равноправном диалоге. Вам нужно что? Вот это. А нам нужно вот это. Как это согласовать? Никто никому не выворачивает руки, никто не говорит: «А ну, инвестируй в железную дорогу», никто не говорит: «А ну, инновируй, а то убью».

Какая у нас модель? А у нас модель реально не азиатская. У нас модель латиноамериканская, у нас стандартный коррупционный капитализм, и с этим, по-моему, уже по прошествии восьми лет борьбы с коррупцией, с этим спорить очень сложно. Посмотрите на Латинскую Америку, вы найдете массу параллелей очень тесных. Посмотрите на тропическую Африку, там просто цирк, там даже стыдно некоторые вещи сопоставлять друг с другом. И не надо говорить о том, что вот, мы придем в тупик, и когда придем в тупик, то всем станет ясно. Никогда мы не придем в тупик, это та пропасть, куда можно падать бесконечно. Тропическая Африка падает туда бесконечно и будет падать до тех пор, пока они будут дикие и не слезут с деревьев. Вопрос в том, когда мы слезем с деревьев. А чтобы слезть с деревьев, нужно посмотреть, а какой рецепт существует для борьбы с коррупционным капитализмом. Коллеги, это единственный рецепт в мировой практике, нет другого инструмента гражданского контроля над властью и инструмента участия бизнеса и гражданского общества в реальном управлении страной. Если кто-то придумает какие-то другие модели выхода из коррупционного капитализма, ему сразу дадут Нобелевскую премию либо по экономике, либо, поскольку там нет Нобелевской премии, по политологии, ну, по литературе значит ему дадут. Нет таких других механизмов. Поэтому то, что сейчас предложено, и то, что, надеюсь, станет объектом дальнейшей разработки как раз дорожной карты – это очень продуктивно. Я всячески к этому присоединяюсь.

Последнее краткое замечание, благо, это звучало в дискуссиях: модернизация, вот она постиндустриальная или индустриальная? Вот политический либерализм нужен для постиндустриальной модернизации, а нужна ли России постиндустриальная модернизация? Может быть, индустриальной обойдемся? Коллеги, я, честно говоря, такого аргумента не слышал никогда и нигде, ни в каких дискуссиях. Что такое индустриальная модернизация? Это модернизация, основанная на изменении структуры экономики от традиционного сельского хозяйства к промышленности. И эту модернизацию мы сделали, ну, там с кровью, с диспропорциями, с чем угодно, мы сделали в тридцатые годы. Второй раз делать индустриальную модернизацию, понимаете, я даже не могу придумать прецедента в мировой экономической или какой-либо мысли, когда кто-либо предлагал своей стране второй раз делать индустриализацию, это нонсенс.

Если мы хотим двигаться вперед, мы должны смотреть, какие дальнейшие структурные шаги нам нужно предпринимать. Если мы назовем это постиндустриальной, ну, о'кей. Мне не очень нравится вот это пост, не пост, если мы говорим о том, что мы хотим развивать, во-первых, высокотехнологичные отрасли промышленности и, во-вторых, отрасль сферы услуг, основанной на высоко квалифицированном человеческом капитале, да назовите это постиндустриальной модернизацией, хоть как назовите, но это ровно то, что нужно нам, это ровно то, что невозможно сделать без политической либерализации.

Спасибо большое.

Гонтмахер. Спасибо. Гозман Леонид Яковлевич только-только вернулся из суда, проверил на себе независимость нашей судебной системы.

Гозман. Спасибо. Я хочу всех успокоить, с судом все в порядке, все нормально. Юрий Михайлович Лужков обиделся на меня за то, что я, как он написал в иске: «Из моих слов можно подумать, что я (в смысле он) имею отношение к бизнесу моей жены». И вы знаете, суд решил, что коррупции в Москве нет, что к бизнесу он не имеет никакого отношения. Представитель Лужкова сказал, что чтобы это доказать, нужны десятки уголовных дел, сказала его представитель. Я сказал: «Ну, будет, по всей вероятности, скоро. Если нужно, так будет». В общем, маразм в таком же варианте, как и был. Оценили опять его честь, достоинство и деловую репутацию вместе взятые в пятьдесят тысяч рублей вместо пятисот, то есть по семнадцать тысяч за каждую, это по пятнадцать секунд рабочего времени Елены Николаевны Батуриной по ее официальным налоговым декларациям, просто я так посчитал.

Я что хотел сказать про доклад? Я, когда его читал, то у меня было такое ощущение, знаете, помните, были такие загадочные картинки, когда там зайчик спрятан, найди зайчика, найди охотника, помните? Вязь такая, и вот там надо было найти. И там действительно надо было искать, чтобы найти, а это у нас такая загадочная картинка, где на самом деле всем все видно. Вот этот зайчик, он прямо вот так нарисован. Я читаю доклад, я думаю: «А что тут?».

Гонтмахер. Леонид, он напоминает зайчика в тире. Он так раз, выходит...

Гозман. Это возможно, да, да, да, это правильно, ты мыслишь в правильном направлении. Я думаю, что товарищу майору понравится ход твоих мыслей. Так вот, вы понимаете, там написано, что надо то, надо се, надо туда, сюда. Нет, конечно, можно спорить, эту службу надо так назвать или не так, это должна здесь подчиняться этому или не этому, это уже детали на самом деле. Но общий вектор, что нужна демократия, что без нее край, он очевиден, он абсолютно очевиден. Очень хорошо, что коллеги тут сказали, все это здорово, но возникает вопрос: а начальству почему это не очевидно? Почему им не очевидно? Причем смотрите, у них есть разные люди. Есть люди, которые искренне хотят закручивать гайки. Понимают, что бороться с американским империализмом, всяких инородцев к ногтю и так далее, там такие люди есть. Для них понятно, что это не их логика. Но там есть много людей, которые вполне цивилизованные, у которых клыки не торчат, слюна не капает, нормальные совершенно люди. И по всей вероятности, судя по тому, что они говорят, они хотят в перспективе, по крайней мере, в дальней перспективе, они хотят того же, чего хотим мы, и того же, чего хотят авторы доклада. Вот они хотят, чтобы была нормальная цивилизованная европейская страна. Почему они не делают очевидных вещей? Мне кажется, это наиболее интересный вопрос.

Мне кажется, они не делают их по следующим причинам. Во-первых, они убеждены, что они могут продолжать управлять так, как управляют. Они искреннее в это верят. Не потому что они злые или еще какие-то, они искренне в это верят. Они не видят рисков продолжения той системы управления, которую они же и установили. И самое главное, они не верят в то, что демократия возможна в России, они вообще в это не верят. Они говорят, как мне кажется, как тот председатель колхоза созвездия Козлотура. Помните, что он говорил: «Хорошая идея, но не для нашего климата». Вот демократия, конечно, хорошо, только не сейчас, через пару поколений, потому что посмотри вокруг,

ну, если людям дать свободу вбирать, они выберут Рогозина или еще кого хуже и так далее. То есть они, презумпция демократии – это доверие к собственному народу, вообще доверие к людям, презумпция любой демократии – политической, экономической – это доверие к людям. Вот этого доверия нет, им кажется, что большинство людей ко всему к этому просто абсолютно не готовы. Почему они переоценивают свою способность управлять, как управляют, и почему они не видят рисков, очевидных совершенно? Мне кажется, потому что они находятся в изоляции. Вот любой начальник находится в изоляции, потому что у него сужен круг общения, слишком много подчиненных, которые ему рассказывают, что он великий король и так далее, это нормальная ситуация. Но когда президент Обама включает телевизор у себя в кабинете, то он видит то, что происходит за стенами Белого дома. Когда наши включают телевизор, то они видят то, что они вчера приказали показать по телевизору. То есть у них полная изоляция на самом деле.

А из доклада, в общем, следует, и я с этим согласен, может, я неправильно понял, что без политической воли высшего руководства сделать-то ничего нельзя. То есть вариант, который будет без политической воли высшего руководства, он, скорее всего, будет крайне неприятным вне зависимости от того, кто возглавит начальное движение. Вот я боюсь, что в результате народного движения, которое может, естественно, расшатать эту систему легко, ну, с высокой степенью вероятности, к власти придет не Вацлав Гавел, не Андрей Сахаров, и даже не Лех Валенса, а к власти придет кто-нибудь типа Дмитрия Рогозина или Бенито Муссолини, или еще кого-то. Вне зависимости от того, кто будет вначале, вначале, может, на трибуне будет стоять Вацлав Гавел, а потом вдруг окажется Муссолини у власти. Вот мне кажется, это практически неизбежно.

Поэтому, если говорить о практических задачах, то их на самом деле две. К одной задаче сделан очень серьезный шаг. Должна быть программа того, что должен делать просвещенный государь в понедельник в девять утра по этой линии, по этой линии и по этой линии. Это вот одна задача, и тут сделан шаг к ней. Мне кажется, что это как раз та часть, четвертая глава, которую надо развивать, так сказать, усиливать, конкретизировать и так далее. А вторая задача, наверное, совсем безнадежна, но, тем не менее, я не вижу другого пути. Мы должны попытаться заставить их понять, что они гробят и себя, и страну, если не будут делать этих реформ. Александр II когда-то понял, что если (он это сказал за два года до своего великого манифеста), он писал обращение, у него было обращение к дворянству, что крепостное право надо отменить сверху, пока его не отменили снизу. Он понимал, что его отменят снизу, вот он это понимал. И это было очень важной базой его реформ. А мне кажется, что наше нынешнее руководство этого не понимает. И поэтому, мне кажется, что крайне важны, хоть они предельно не нравятся нынешнему начальству, крайне важны доказательства того, что так жить нельзя, что так жить нельзя не по моральным основаниям, это уж само собой, а что так нельзя жить по абсолютно прагматическим основаниям, что если мы хотим, чтобы в стране был мир, и не было крови, то вот поэтому надо вводить реформы.

Поэтому мне кажется, что вот это обсуждение надо обязательно продолжить. И есть у меня, у некоторых сидящих в зале, есть любимая тема – 19 февраля. 19 февраля 2011 года будет 150 лет Манифесту Александра II, а через девять дней будет 149 лет Манифесту Александра II. Давайте соберемся 19 февраля и продолжим это обсуждение.

Гонтмахер. Спасибо. Давайте, это интересно. Никольский Сергей Анатольевич, пожалуйста.

Никольский. Я так же, как и все вступающие, приветствую появление этого документа. Хотя я присоединяюсь к мнению многих, что его жанр неопределен и обуславливает некоторую размытость содержания, но об этом нет времени говорить.

Я хотел сказать о двух вещах, которые лежат сразу рядом за содержательной границей документа и которыми необходимо обязательно заниматься. Первое, опять же, не расшифровывая – это то, что принципиальным содержанием современной власти, наверное, является смесь «мягкого сталинизма» и некоторых модифицированных форм

«дикого капитализма». В нашем обществе не прошел процесс десталинизации. Это сложное явление, состоящее из множества направленных против человека, против личности принципов и ценностей. Есть принцип «территория выше жизни». Сталина не было, но сталинизм аукнулся Венгрией 1956, Чехословакией 1968, Афганистаном 1980 года. В начале 90-х мы ежегодно платили тысячами жизней за Северный Кавказ. При этом, альтернативные проекты решения этой проблемы не обсуждались. Сталин не жалел людей и мы даже не усомнились на этот счет, а продолжили его дело. Не жалели ни тех, кто считал себя россиянами и ждал от государства помощи, чтобы уехать от войны, ни тех, кого бросали в ее пекло. И мы платили за это не только жизнями на войне, но и милитаризацией и криминализацией нашего общества за пределами Северного Кавказа в мирной жизни. Мы платим за большую территорию и ее абсолютную ценность тысячами жизней тем, что человек, не задумываясь, выхватывает из кармана пистолет и стреляет в другого человека. Он так привык, он прошел эту школу, он научился убивать. Англичане уходили из колоний в частности и по той причине, что их общество начало деградировать, потому что слишком много молодых людей не только гибли, но теряли свой человеческий, моральный облик.

В сталинизме также есть принцип «государство выше личности». В его логике мы уничтожили выборную власть, свободные СМИ, независимый суд. А от имени государства теперь выступают исключительно «люди в погонах», как нынешние, так и «бывшие», которых – «бывших», как заявлено, не бывает. Отождествив себя с государством, они постоянно реализуют и этот сталинский принцип.

В нашем обществе уже есть явление, которое показывает нам, что будет, если не будет модернизации. Это аграрный сектор. Аграрный сектор, начиная с 60-х годов, пропустил несколько мировых технологических революций. И сегодня в целом влачит по мировым меркам жалкое существование. То есть, существуют примерно 10% успешных хозяйств, которые производят товарную, хотя часто и недостаточно качественную продукцию, и 90% разорившихся, в которых работники спились, деградировали. Вот это образ того, что бывает, когда не идет нормальная модернизация. Желаем ли мы, чтобы этот образ стал нашим образом для других областей жизни завтра?

И еще одна вещь. Выступающие говорили о том, что сейчас церковь начинает активно работать с детьми в школах. Что удивительного? Церковь занята тем, что считает важным и нужным делать. Она начинает формировать новое сознание, как она его себе видит. К сожалению, в докладе нет и намек на то, что нужно, когда речь идет о новом человеческом капитале, заниматься тем, чтобы создавать условия для формирования нового сознания, то есть тем, что раньше называлось формированием нового человека. Китайцы говорят, что они свою модернизацию не смогли бы сделать без Конфуция. «Половины Луньюня достаточно для того, чтобы управлять Поднебесной», говорят они. Половины. Что это такое? Это свод текстов о нормах и правилах жизни, правилах поведения людей, в том числе и конфуцианского идеала – «благородного мужа». Скажите, пожалуйста, нам нужна такая работа? У нас есть какие-нибудь культурные резервы в нашей собственной великой истории, для того чтобы заняться процессами, которые будут способствовать появлению нового сознания - с детского сада, со школы, постоянно работая с ним? Без этого новый человек не возникнет. Человек без культуры – это «человек ниоткуда». Большевикам, Ленину-Сталину, на основе низменнейших качеств российского народа поставивших Россию вверх дном, нужен был «новый человек». Человек без культуры, потому что вся русская культура для этого не годилась. Но разве наша великая культура не дает сегодня оснований для целенаправленной работы для «порождения», как говорил Выготский, нового человека на основе ее высоких ценностей и смыслов?

Здесь, правда, есть свои «заморочки», оставленные нам идеологической работой советской власти. Если мы обратимся к нашей классической литературе, то я приведу только один простой, всем известный пример – роман Тургенева «Отцы и дети». Что вы

можете сказать о Базарове так, как вас учили в школе? Что это предтеча революционного движения, почти революционный демократ, что он нигилист, потому что отрицает прошлую культуру. Но в чем смысл этого романа, если посмотреть на него так, как он написан Тургеневым, а не так, как истолкован советским литературоведением? В чем смысл этого образа? Базаров – трудоголик и профессионал, и он оказывается в среде, которая примерно та же самая, что у нас сегодня в России, когда в зоне эпидемии пьяный доктор тупыми ланцетами вскрывает трупы. Когда Базаров, для того чтобы не умереть со скуки, берет этот ланцет, для того, чтобы попрактиковаться, он ранит себя, заражается ядом мужицкого трупа. А у земского врача даже не находится противоядия и Базаров умирает. Так в чем же мораль? Да в том, что профессионализм отторгается российской действительностью. Нигилизм – это российская действительность, которая должна быть преобразована. Вот что говорил Тургенев, если посмотреть на него не идеологически, а аутентично, в контексте всего творчества, в том числе всей романной прозы. В шести романах он ищет ответ на вопрос «Как возможно в России позитивное дело?». И начиная от болтуна Рудина (первый роман), он, в конце концов приходит к «Нови» (последний роман, в котором показывает нелепость революционных «хожденцев» в народ и настоящую медленную работу по модернизации русской действительности, которую, в частности, ведет его герой фабричный управляющий Соломин. Вот это содержание русской культуры и должно стать материалом для появления нового сознания, без которого модернизация – пустой звук, потому что она невозможна без нового человека.

Знаете, почему наши урожаи в среднем не превышают 25 ц/га, в то время как в Германии – в среднем свыше 90 ц/га? В частности и потому, что наш агроном бывает на поле дважды в год: когда сеют и, что выросло, убирают. А их агроном с поля вообще не уходит. Он все время работает с растением, по-разному способствуя его росту на каждой из 38 (тридцати восьми!) стадий его развития. Потому, что у него высокая технология, которой он как высокий специалист соответствует, в том числе и тем, что ни на минуту не опаздывает на поле – свое рабочее место. Можете вы представить себе такую ситуацию для «среднего» агронома в России? Вас сочтут за сумасшедшего. Потому что у нас любят Илью Ильича Обломова, а не «немца» Штольца, которого даже не знают как зовут, а теперь и вовсе не любят никого, потому что «Обломова» не читали.

Все это культура, это ее высшая часть – философия. Можно без них обойтись? Вроде, можно. Но давно известно, что народ, у которого нет философии, рано или поздно начинает мести улицы в городах того народа, у которого философия есть. Сегодня вы еще можете это увидеть в России, выглянув в московское окно. Но что так будет завтра – уже вопрос.

Наша культура – единственный и мощнейший источник, гуманитарная основа необходимой стране модернизации. Она – не просто конфуцианство. Она – сильнее и многостороннее. В ней – неисчерпаемые основы. Не воспользоваться – самоубийственно. К сожалению, работу эту мы все время отодвигаем «на потом». Удивительно, но уже сто пятьдесят лет нам не удается уяснить слов, сказанных Н.Г. Чернышевским будто для сегодняшнего дня: «Как вы хотите, чтобы оказывал энергию в производстве человек, который приучен не оказывать энергии в защите своей личности от притеснений. Привычка не может быть ограничиваема какими-нибудь частными сферами: она охватывает все стороны жизни. Нельзя выдрессировать человека так, чтобы он умел, например, быть энергичным на ниве и безответным в приказной избе».

Спасибо.

Гонтмахер. Спасибо. Шейнис Виктор Леонидович.

Шейнис. Уважаемые друзья, я не буду говорить о докладе. Он, на мой взгляд, выполняет чрезвычайно полезную функцию – функцию, главным образом, систематизации того, что в тех или иных частях существует в сознании практически каждого из тех, кто собрался в этой аудитории. Умножьте это на десять, на сто, и вы получите примерно тот круг демократической либеральной интеллигенции, которая

вышла на понимание вещей. Дальше возникает вопрос, и, пожалуй, самый сложный вопрос. Это вопрос о том, хорошо, вот нарисовано желаемое будущее в достаточно привлекательных тонах, и я бы не сказал, что это некая страна-утопия. Поезжайте на пятьсот, четыреста километров на Запад, и вы увидите это. Вы увидите это даже не только в странах устоявшейся демократии. Одна из любимых страшилок наших лидеров: у нас мы не допустим украинизации. Поезжайте на Украину, посмотрите. Очень многое вызывает отторжение, но Украина состоялась как политическая нация. И я думаю, что как бы ни разворачивались события, связанные с последними выборами, за украинцев особенно волноваться не надо.

А другая сторона, то, что у нас есть, это тоже достаточно реалистически обрисовано, и мы это видим сегодня, выйдя за стены нашего дома. Задача заключается в том, чтобы попытаться поразмышлять, как из точки А нынешнего состояния перейти в точку В. И здесь кипят страсти, здесь высказываются разные суждения, подчас оптимистические, подчас пессимистические.

Очень убедительно Евгений Григорьевич говорил о том, что запас времени невелик. Не менее убедительно нам было сказано, кажется, это сказал Дмитрий Орешкин, что Николай I осознал бы до Крымской войны, куда идет дело, и отменил бы крепостное право. Отлично. А наши лидеры, члены политбюро, они могли осознать, что то, что происходит в Чехословакии в 68 году, это блестящая возможность, полигон для того, чтобы проиграть возможность на наиболее подходящем для того плацдарме, полигон для того, чтобы проиграть вариант перехода? Да ни в жизни они этого не могли сделать.

И тогда возникает вопрос, а откуда у нынешнего политического руководства возьмется понимание тупика? Это понимание могло бы возникнуть в силу воздействия 3 причин всех вместе или, по крайней мере, одной из них, но достаточно сильной. Это, во-первых, некая экономическая невозможность продолжать вести дело так, как вели. Прошел кризис или проходит кризис, они убедились, ничего страшного, все получилось, можно продолжать дальше.

Второй вариант – какое-то сильное внешнее давление в самых разнообразных формах. Например, в той форме, что выдвинута задача быть сверхдержавой, поддерживать паритет, паритет не получается, и тогда начинаются внутренние процессы с бывшим руководством. Бывают разные формы внешнего давления. Сегодня сколько-нибудь заметное внешнее давление? Опять же, ни в коей мере. Я напому вам обращение группы наших известных политологов Шевцовой, Татаровой и других к западному общественному мнению, как и многое другое, ушло в песок.

И третье, на что здесь возлагаются, пожалуй, наибольшие надежды, это некое социальное и политическое давление самого общества. И здесь я боюсь, что мы также переоцениваем готовность общества к переменам, как нынешние правители оценивают стабильность собственной страны. Ибо Калининград, Владивосток, сегодняшнее наше собрание по поводу доклада, я мог бы назвать немало событий 3-5 лет тому назад аналогичных, хотя бы выступление против монетизации льгот, уходят такие вещи в песок. То есть ситуация остается достаточно сложной и достаточно малоподвижной. Поэтому я думаю, что нам не надо обольщаться перспективой, о которой мимоходом сказано: давление сверху и давление снизу возьмет в клещи среднее и нижнее звено бюрократии. Наше государство – это не только среднее и нижнее звено бюрократии, это в том числе и высшая бюрократия, и кроме того, значительная часть наших сограждан, которая вовсе не готова к каким-нибудь радикальным переменам.

Возникает вопрос, что же делать? Я думаю, что делать, я не открою никаких Америк, делать то, что мы делаем: просвещать общество, не надеяться на то, что в ближайшее время произойдут какие-то очень радикальные изменения. Они могут произойти, потому что мы непредсказуемая страна, но могут и не произойти. Во всяком случае, строить на них стратегию было бы неправильно, а общественное мнение просвещать, готовить какой-то слой людей, будущее поколение, по крайней мере,

нынешнее студенчество, хотя здесь тоже много разочарований, готовить к тому, что жизненные обстоятельства могут измениться, надо.

И последнее. Я глубоко согласен с теми, кто говорил, что условие – раскол элит. Пока не будет раскола элит, пока элиты не выделяют каких-то людей, которые будут соревноваться друг с другом не за места, не за кормушку, не за какие-то престижные должности, а на политической основе, до тех пор, на мой взгляд, возможна только черновая, низовая работа по просвещению общества, и прояснение для себя возможной перспективы.

Гонтмахер. Спасибо, Виктор Леонидович. Артоболевский Сергей Сергеевич. Пожалуйста.

Артоболевский. Я взял на себя обязательство говорить 90 секунд и постараюсь это выполнить. Сначала буду говорить о том, что не понимаю, а потом о том, что понимаю. Я, видимо, не понимаю, оцениваю очень высоко данный доклад, но в качестве определенного типа документов, необходимого нам и неосознанного. Я вспоминаю слова, которые вы знаете через Горького все, «Господа, если к правде святой мир дорогу найти не сумеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой». Это считалось насмешкой «На дне», но на самом деле, автор оправдывает, «по безумным гуляя дорогам, нам безумец открыл новый свет, нам безумец дал Новый завет, ибо этот безумец был Богом». Я так высоко не оцениваю этот доклад, но это абсолютно необходимая вещь, потому что все-таки именно через такое образование мягкое. Надежды на доброго царя, тут упоминали Муссолини, ему помог поэт Габриеле Д'Аннунцио придти к власти, Гитлеру помог Гансен. Тут сложно. Люди переворачиваются, а остается какая-то элита, на которую такие, в том числе доклады должны воздействовать, или, во всяком случае, это одна из немногих попыток.

Второй тезис и последний. Все-таки у нас не точка Россия. Все политики есть, региональной опять нет. А у нас ведь не только разные, тут говорили, феодализм поздний у нас, и то после *, да нет, у нас еще есть натуральное хозяйство, и большие регионы и территории им затронуты. У нас давно уже количество перешло в качество. И тут Стас говорил, как бы выиграл один, да не выиграл бы другой выборы. Вы помните? Если удастся кому-то из кандидатов в президенты доказать, что он не главный мэр 2 столиц, а представляет всю территорию, и не надо мотаться по территории, все равно не покроет. Уже пытался Машеров по всей территории * во времена войны мотаться, это бессмысленно. А если он докажет законодательно подходами, отношениями, что действительно представляет все регионы, понимает, как живут люди и что-то старается сделать, возможно, это принесет вышеупомянутому кандидату многие голоса. Тем более что другой резерв – это просить, женщины чтобы голосовали, вряд ли уже не так * и обязательно проголосуют за одного из вышеназванных 2 кандидатов. Мы не Шварценеггеры же. Спасибо.

Гонтмахер. Спасибо. Пожалуйста, Федотова Валентина Гавриловна.

Федотова. Уважаемые коллеги, я бы хотела дать несколько тезисов конструктивной критики. Относительно сценариев и их способности к прогнозированию. Сценарии разделяются на сценарии-образы, это то, чего мы хотим; сценарии-тренды, это, что получается объективно; и сценарии-проекты, которые говорят, как нам изменить эти тренды с помощью своих проектов и ориентируясь на наши образы. В данном случае, мне кажется, все системы спутаны.

Я бы все-таки предложила рассмотреть тренды. И не тренд один, потому что тезиса иного не дано, мы уже проходили, это революционный тезис. Для примера я могу привести прогноз Американского разведывательного совета, предложенный Обаме, который тут странным образом не упоминается, там у России свои тренды обозначены, у нас скрытая печать существует, книги о нем существуют, и это всегда сценарно, это всегда многообразно. А дальше, когда мы знаем, какие у нас есть тренды и опасные тренды, обсудить наши образы и на этом основании принять сценарий.

Мне кажется, что авторы не знают ни теории модернизации, ни истории модернизации, иначе я не могу понять, как можно сказать, что все модернизации в России заканчивались ее закабалением. Да, реформа Александра II, о которой говорилось, и сейчас есть начало по-настоящему европейского пути развития, по-настоящему предпосылок для либеральных преобразований, поэтому мне думается, что это очень важно.

Кроме того, не зная теории модернизации, они сохраняют позицию догоняющей модернизации. Когда Денкин приводит ужасающие цифры нашего отставания, спрашивается, провозглашенный проект, он нам обещает то, что мы догоним? Нет, не обещает. Нет такого проекта, что сегодня можно догнать, уже тогда будет другой тренд. Поэтому есть еще новое понятие, введенное * самым крупным специалистом по модернизации, национальная модель модернизации. Она рассматривается на примере Китая. Как ни метафорически говорил Дэн Сяопин, он решал вопрос о том, какую главную цель надо решить: бороться с голодом – 120 миллионов голодающих, потом заниматься изменением инфраструктуры в деревне, потом сочетать каким-то образом возможности соединения гигантского по темпам роста с состоянием населения и с его потенциалами.

Вот эти модели очень важны для нас сегодня. И я считаю, что игнорировать эту модель Американского разведывательного совета, они же ежегодно дают президенту свои доклады, просто неграмотно. И когда мы можем выбирать между догоняющей моделью и национальной, я бы назвала эту модель национальной моделью, которая предполагает высочайший уровень вестернизации с решением собственных проблем. Вот тогда эти первоначальные тренды, которые говорят о собственных проблемах, являются очень важными.

Мне кажется, что в целом проект выглядит действительно как проект экономический. Ведь на что он ориентирован? На модель экономического роста, которой должна соответствовать определенная политическая система. Но опять же, читая современную литературу, в том числе указанный проект, мы видим, что модель экономического роста очень страдает сегодня из-за того, что присоединение новых игроков ведет к ориентации на американскую систему потребления. Средний класс, который мы так воспеваем, он становится коньюмеристским классом и требует такого развития, которое мы просто не можем обеспечить. В условиях исчезновения ресурсов, а многие ресурсы исчезнут, включая проблемы с водой в условиях изменения климата и проблем энергии, как раз диверсификация моделей развития становится наиболее важной. И поэтому концепция экономического роста должна быть каким-то образом верифицирована в связи с этими новыми глобальными тенденциями, в которые включается Россия.

Здесь очень много говорилось о том, что мы не находим целевую группу в подтверждение этой программы. У меня другой взгляд. Можно, конечно, ориентироваться на целевую группу, но программа может быть такой, что она создает целевые группы. Мандини говорил, мы создали Италию, теперь мы будем создавать итальянцев. К великому сожалению, эта программа не создаст целевую группу, потому что она сводит модернизацию к тому, что придумали авторы, она использует модное слово для ценных, детальных, подробных разработок, но она не содержит того пафоса, который необходим для того, чтобы эта целевая группа создавалась.

В целом, я считаю, что это не финальный документ, и он может быть доработан, и учтены могут быть все реальные компоненты нашей жизни, которые здесь слишком подчинены экономике. Спасибо.

Гонтмахер. Спасибо, Валентина Гавриловна. Градов Станислав Сергеевич.

Градов. Дорогие коллеги, хотел бы обратить внимание, что тот доклад, который мы сейчас все анализируем и критикуем, написан на русском языке. Не на английском, не на китайском, а именно на русском. Я думаю, что основная проблема сегодняшней России

– это непонимание своего русского языка. Наш государственный русский язык, он связан с тем, что те, кто стоит у власти, сегодня не понимают тех, кто находится в обществе. И эта проблема выражается, по крайней мере, в новых словах. Мы получили такой неологизм, узаканивание. Если бы были живы Тургенев и Достоевский, они, думаю, жизнь бы закончили как Пушкин, только самоубийством и без дуэли.

Подмена суда, подмена принципа независимости суда, о чем вскользь упомянуто в докладе, к сожалению, это как раз проблема в том, что суд должен быть независим от всего, кроме закона, суд должен быть целиком зависим от закона. Сегодня этого нет. Более того, та судебная реформа, которая в России происходит, она говорит о непонимании судебной властью своей роли. Так же, как у нас четвертая власть, журналисты тоже, по всей видимости, не всегда понимают своей роли, а борются больше за читательские сборы при продаже своих газет и журналов.

Авторы этого доклада, на мой взгляд, заложили очень серьезную основу для дискуссии, которую мы сегодня получили, и думаю, мы еще будем об этом рассуждать и дома, и в обществах, и в институтах на лекциях, и т.д., потому что, на мой взгляд, будущее мира, оно уже сегодня является не будущим, а настоящим, не подразделяя по социальному признаку. Государство уже не имеет той довлеющей властной силы, которая пока есть в России. В Европейском Союзе, ведь его уже называют Европейский Союз, управляют не люди, а управляют законы. Роль личности, конечно, велика. Вспомните, какая была борьба за пост министра иностранных дел Евросоюза, но, тем не менее, европейские комиссионные законы, комиссионные регламенты, они играют колоссальную роль, они уже победили национальное законодательство. То же самое будет и у нас. Россия была вынуждена, как сегодня уже кто-то говорил, принять европейские регламенты, по крайней мере, технологические.

Поэтому я долго задерживать вас не буду, остановлюсь на своей благодарности авторам доклада за основу дискуссии. Обращаю внимание на то, что все-таки мало в докладе сказано о фундаментах культуры, о фундаментах модернизации, коими являются не только регламенты, законы, но и творческий потенциал людей, культура, прежде всего, язык. И однозначно поддерживаю вас в стремлении развалить Министерство внутренних дел, мы этим занимаемся каждый день, потому что это однозначно пережиток имперского прошлого. Министерство внутренних дел может быть... Может быть единственная служба поддержания общественного порядка, она нужна всем, потому что общественный порядок необходим, без этого невозможно государство. Спасибо вам большое, всего доброго.

Гонтмахер. Спасибо. Микульский Константин Иванович, пожалуйста. **Микульский.** Я высоко оцениваю общественную значимость этого доклада, каковы бы ни были его недостатки. Доклад пробивает брешь в стене, отделяющей общество от поиска альтернативы нынешнему положению. Эта стена существует, несмотря на высказывания наших руководителей о том, что надо что-то делать.

Второе. Доклад формулирует образ будущего. Образ будущего немного упрощенный, немного приукрашенный и т.д., но очень верный, поскольку он выражает ту модель, к которой должно стремиться наше общество. И вот тут-то даже эту отдельную часть доклада, которая посвящена модели будущего, я бы выделил как предмет первоначальных общественных дискуссий. Если бы удалось побудить каким-либо путем высказаться публично не только сторонников, но и противников этой модели, мне кажется, их доводы были бы восприняты здравомыслящими людьми, обществом довольно специфически. И столкновение, оценка этой модели будущего в печати, в дискуссиях было бы очень полезно для утверждения этой модели, повторяю, очень правильной.

Теперь вопрос такой, что возможна и даже не буду говорить, нужна ли, возможна ли консолидация общества вокруг этой модели? В лучшем случае поверхностно, формально. Нужно исходить из того, что общество расколется в процессе модернизации. И что с таким обществом делать, с каким вариантом развития этот раскол совместить?

Избран такой путь, привлечь общество к модернизации, формулируя преимущества того, что будет построено в будущем. Это, конечно, естественный подход, но он должен сочетаться и с другим подходом – привлечь общество к необходимости преодоления пороков настоящего. Вот эти 2 подхода стоило бы учесть.

Я понимаю необходимость в таком докладе для такого уровня быть достаточно политкорректным. Я понимаю, но мне кажется, что в реальных случаях политкорректность можно было бы несколько снизить. Может быть, я недостаточно внимательно вчитался в доклад, но, тем не менее, я смотрю, основа недостатков наших и т.д. – ресурсно-сырьевой способ существования. По-моему, это названо как главным источником недостатков. На мой взгляд, источником недостатков является социальная сформировавшаяся структура, соотношение интересов, иерархия различных слоев общества, а не ресурсно-сырьевой способ существования, который способствовал, несомненно, укрепляет нынешние порядки, но вряд ли является такой причиной. Но эта система с трудом, но может как-то эволюционировать в системы, существующие при этой системе*.

Следующий вопрос. В целом, доклад производит впечатление, по части будущее у меня несколько технократическое впечатление, а не впечатление, вытекающее из социального анализа, из социальных взаимоотношений. Я опять понимаю, есть политкорректность, и многое на таком уровне нельзя ощутить, но все-таки получается так, что принять такой-то закон, принять такой-то закон, а будут ли они выполняться, это второй вопрос, а что будет обеспечивать хотя бы их выполнение, остается неясным и негарантированным.

Я разделяю точку зрения, что нужно формировать слои поддержки. Это очень трудная работа, но, тем не менее, способы ее искать нужно. Ввиду положения этого института, может быть, это даже иногда непосредственно не прямой шаг института, но институт должен стимулировать, помогать такой дискуссии, которая будет способствовать им.

Гонтмахер. Надеждин Борис Борисович.

Надеждин. Несколько реплик, которые я хотел сказать. Первая. Гениальное, замечательное произведение. Поскольку я внимательно прочел брошюру, я не нашел слово копирайт, правильно же, там нет слова копирайт?

Гонтмахер. Это не является пока типографским изданием.

Надеждин. Я готов прямо хоть сейчас взять это и идти в партию «Правое дело» и говорить: «Давайте уберем нашу дурацкую программу, которая называется что-то типа «Капитализм для всех». Бред полный». И вот это то, что надо, просто супер, гениально! Потому что функцию идентификации, а это функция партийной программы, не предвыборной, а партийной, она выполнила блестяще. Когда еще в одном зале сидели совершенно оппозиционные Рыжков с Сатаровым и т.д., и такие конформисты типа меня с Гозманом, вы же понимаете, это редкое событие. Тут собралась вся либеральная общственность, благо, нас не так много.

Теперь второе, уже более прагматично. Я задумался, а что же придало такой шарм этому труду необыкновенный, что много было довольно хороших, умных текстов до этого, но не было такого всеобщего единения суждения. Мне показалось, что такой неизбывный шарм ему придало то, что здесь незримо витает дух председателя попечительского совета этой организации. И сразу показалось, что это все очень серьезно. Искренне говорю абсолютно.

Я вспомнил, был такой сюжет в 99 году, когда последний раз либералы прорвались в парламент, «Союз правых сил», помните, был такой том, который Кириенко вручал Путину? И там был такой эпиграф, «Путин – в президенты, Кириенко – в Думу». Мне кажется, у нас появилось вот это, вот оно есть. Там ясно, что надо написать. Медведева – в президенты, это очевидно. Осталось 2 мелких невыясненных вопроса: это кого в Думу и куда Путина? Здесь есть дискуссия, я понимаю, здесь можно обсуждать, и я в ней

постоянно участвую, но книга есть, и кого в президенты, мы знаем. На мой взгляд, это политическое событие произошло реально.

Я готов подписаться, встать в строй и быть в том, кто пойдет в Думу и т.д. И я абсолютно уверен, что нам нужно, тут сидит Гозман, мы с ним почти все можем решать сейчас за партию, у нас поголовье сопредседателей резко упало, но могу сказать, нам надо просто делать нашу работу уже, потому что вы свою работу в этом смысле сделали, дальше мы должны работать. Я считаю, с этим надо и можно работать. Я не хочу навязывать именно нашу партию, но методом исключения вы можете понять, что из 7 лицензий в стране только наша похожа на ту, которая может это взять в качестве программы. Представьте себе, что с этим идут к народу любая из 4 Думских партий, это забавно. В ряду тех, кто объединился тут прямо в этом зале, тут же Зубов ходил, я видел его, «Справедливая Россия» - это место, где временно находится в иммиграции наши товарищи, у них так жизнь сложилась. Но поскольку 2 ноги власти, они разошлись, а потом быстро сошлись очень обратно, и народ... Ладно, не хочу, мы с Володей обсуждали, что увидел народ в эту долю секунды, когда эти возможности открылись.

Теперь по поводу, уже чуть серьезные вещи, по поводу демократии и того, о чем говорил Ясин и т.д. и т.д. В чем засада, где засада? Вопрос, почему власть придержащие, которые люди умные, образованные и точно могут понять, что здесь написано, почему они это не делают? Они, наверное, не понимают, что это такое. Ответ. Потому что если начать делать то, что здесь написано, они потеряют власть. Это абсолютно очевидно и понятно, потому что сущность современной демократии не в том, что выборы всеобщие, а я нахожусь в постоянной полемике с Сурковым по поводу демократии. Он говорит: «Чего ты хочешь? Отстань от меня! Выборы есть народные? Есть. Многопартийность есть? Есть. Парламент есть? Есть. Чего ты еще хочешь?» Нет самого главного, нет, ни разу за всю историю России не перешла передача власти мирным путем оппозиции. Никогда еще не случилась ситуация, когда президент выиграл бы выборы, не находясь в позиции наследника или на развалах другой страны, а в ситуации победы над тем, кто. Понимаете? То, что произошло в Украине.

И это все возможно только при одном условии, если передача власти мирным путем по итогам выборов произойдет хотя бы 1 раз в течение ближайших 10 лет. Передача власти не в смысле очередной наследник или ротация наоборот, а в том смысле, в котором она, хочешь, не хочешь, случилась в Украине на днях. Потому что победа Януковича над Ющенко или Тимошенко радикально отличается от победы Медведева над Жириновским и даже Мироновым. По этой причине, вот где корень зла.

Вопрос, как к этому придти, что нужно делать? Ответ: 2 процесса должны соединиться. Безусловно, абсолютно, 1 процесс – это то, что происходит в Калининграде, об этом много говорили, стихийный нажим. И второй процесс, деятельность выполняется без истеблишмента, который здесь сидит. Когда это соединяется, и возникают политические структуры, тогда это становится возможным. Поэтому я очень рад, что это все происходит. Я, честно говоря, хочу сейчас брать это, я не знаю, мне нужно согласие, не согласие, с кем нужно согласовать. Скажи мне с кем, и завтра мы это возьмем.

Гонтмахер. У нас есть исполнительный директор.

Надеждин. У нас сейчас нет никакого начальства, но я готов все это сделать.

Гонтмахер. Мы обсудим.

Надеждин. Спасибо.

Гонтмахер. Спасибо, Борис. Перов Максим Вениаминович.

Перов. Спасибо. Постараюсь просто телеграфно. Первое – спасибо за предоставленное слово. Второе – общую идею доклада разделяю. Третье – считаю это просто такой хорошей провокацией. В связи с этим ей можно простить размытость информации определенную.

Буквально 2-3 вещи содержательных, мимо которых пройти не могу. Первая – тезис о том, что для успешной модернизации нужен соответствующий моральный настрой

общественности, и идет противопоставление государства и общества и государства и личности. А в моем понимании здесь нужно рисовать перпендикуляр, а именно комментарии(?), которые связаны с оправданием существования экстраполярных структур по Шанину, то есть неформальной экономики. Эта ментальность, она у большинства населения. И ее надо преодолевать, а не примат государства, в моем представлении.

Второе. По поводу пространственного развития и региональной политики, очень разрозненно, по кускам, и никакого цельного представления нет. Говорить о развитии экономики и вообще системы в стране до уровня формирования профессиональных сержантов и вообще молчать о пространственном развитии, не очень понятно, как это можно. То же самое могу сказать о термине научно-производственно-инфраструктурная агломерация. Я не понимаю, о чем речь. Надо все-таки немножко почетче. И вообще, говоря об инновациях, нужно понимать, что инновации во всем мире произрастают исключительно в высокоурбанизированной среде. А если государство не заботится о создании такой среды, то инноваций в сельской местности или в экологических резервациях не произойдет. Вот это необходимо поправить.

И последнее, все говорят, что хотелось бы поправить, а поправить куда? Из этого документа, мне кажется, это отличный материал для формирования альтернативной концепции долгосрочного развития. Существующая, понятно, что абсолютно не работает, хоть она и подписанный официальный документ, нового никто не ваяет, и идеологем новых нет. Это хорошая идеологема, такая внятная, четкая, и в формате концепции долгосрочного развития страны, в моем понимании, могла бы быть достроена довольно легко. Спасибо.

Гонтмахер. Спасибо. Любовный Владимир Яковлевич.

Любовный. Первое, что мне хотелось бы сказать. Естественно, я присоединяюсь к той высокой оценке доклада, который здесь прозвучал. Что мне кажется, очень важно из того, что не было так конспективно сказано, то, что этот доклад поднял, с одной стороны, проблемы. Дальше он показал, что делать, и что очень важно, как делать. Единственное, с моей точки зрения, недостаточно, это показать, какая этапность реализации вот этих вещей. Вполне вероятно, что это задача последующих документов, но в такой концептуальной работе мне тоже кажется, это было бы очень важно.

Второй момент, на который бы мне хотелось обратить внимание, этот момент связан со следующим. Это вопрос местного самоуправления. В докладе дважды или трижды упоминается термин местное самоуправление, но он употребляется и применяется по отношению к тому, что есть определенная иерархия управленческих структур, и там есть муниципальный орган. На мой взгляд, это недооценка той колоссальной роли местного самоуправления, которая должна играть ключевую роль, не переоценивая, не недооценивая других, в формировании того самого человеческого потенциала, на основе которого как главного ресурса, мы собираемся строить инновационный потенциал.

Только реальное местное самоуправление способно приспособить, приучить людей к самостоятельному поведению, к инициативе, к ответственности за свою деятельность. И тот опыт, на который многократно ссылается, на западный опыт, он как раз свидетельствует о том, что там, где люди взялись отвечать за свою судьбу и за то поселение, где они живут, там появляется действительно гражданское общество. Мне кажется, это важный момент, который в докладе или в последующих работах, он должен иметь существенное место.

Следующий момент. Тут дважды уже упоминался вопрос территориальный. Я бы сказал следующий момент, на который крайне важно обратить внимание. Каждый уклад, он требует определенной пространственной организации. Одно дело, когда появился паровой двигатель, я не буду все перечислять, все это мы с вами прекрасно знаем, но переход на инновационный путь развития, он требует корректуры, существенной трансформации той пространственной организации, которая сложилась. И мне кажется, это очень важный момент.

К сожалению, в докладе я нашел только 2 обстоятельства, которые как-то касались этих вещей, причем касались, с моей точки зрения, не очень корректно, о том, что перспективы, здесь, я извиняюсь, предыдущий докладчик говорил об агломерациях, та линия, которая проводится о том, что будущее России, а в России у нас 109 городов, 1300 поселков городского типа 155 000 сельских населенных мест. И если мы Россию будущего представляем как собрание 10-30 крупных агломераций, а все остальное мы считаем ничемным для инновационного развития, то у меня это вызывает очень большое сомнение, не говоря уже о геополитических факторах вообще сохранения страны. Мне кажется, этот момент крайне важный, и он должен существенно получить отражение.

И последний момент, который прямо, вроде бы, не касается той темы, о которой говорили, он носит такой глобальный момент. Если мы с вами задумаемся, то мы должны констатировать, а может быть, и до нас уже тоже констатировали, очень важную, на мой взгляд, позицию. Смена, частота смен технологических укладов, и чем дальше, тем быстрее идет изменение целого ряда процессов в области техники, информатики и прочее, но что уже перечислять, это с одной стороны. А с другой стороны, мы видим человеческую личность, которая создана достаточно давно, и которая резко отстает от той трансформации, от тех требований, которые поступают со стороны изменяющегося общества, технического уровня. Отсюда эта пропорция, она требует не только найти пути адекватного преломления к человеческой личности, но она и требует изменения системы ценностей, о которой здесь говорилось. Причем системы ценностей, которая должна ориентировать на щадящее отношение к человеку, который не успевает перестроиться. Сигналы такие есть и немаленькие.

К сожалению, статистика не очень хорошая в этом плане, не с точки зрения оценки, а с точки зрения ее информативности. Допустим, возьмем с вами такую вещь как суициды. Казалось бы, странная, дикая вещь. Несколько лет тому назад Швеция занимала одно из первых мест по удельным показателям суицидов. Вроде бы, благополучная страна. На самом деле оказывается, что не только изъяны в социально-экономическом развитии, но даже тот процесс, который вроде бы все удовлетворяет, однако, человек не способен справиться с теми проблемами, которые его окружают уже в психологическом плане. Поэтому мне кажется, эта сторона, новые исследования должны не быть упущены из внимания. Спасибо.

Гонтмахер. Спасибо. Гинзбург Соломон Израилевич. Пожалуйста.

Гинзбург. Для меня большая честь выступить в этом зале. Я из Калининграда, и люди там начали модернизацию снизу. Я хочу сказать, что сейчас в Калининграде выкручивают руки общественности, берут с рабочих, со служащих, а на митинге даже колясочники присутствовали, общество инвалидов. Это как надо было достать людей, чтобы сплотились те, кто в повседневной жизни и в партии руки друг другу не подают? Это ж как надо было изнасиловать калининградский социум? И одно из требований – это возвращение губернаторских выборов. Одно из требований – это демонтаж политической монополии «Единой России». Как одно из требований – прекращение издевательств со стороны губернатора Бооса над калининградцами, потому что занижены социальные стандарты, создана громадная Потемкинская деревня, все делается для того, чтобы радостно отчитаться, а не для того, чтобы действительно реализовать идеологию пилотного региона. И если мы говорим о пилотности, речь идет об исправленном(?) коэффициенте, речь идет о безвизовом въезде граждан Европейского Союза.

Я абсолютно согласен с коллегами, что нужно готовить законопроекты. Такие законопроекты у нас есть, оппозиция их подготовила областной Думе, я являюсь депутатом, зам. председателя Комитета по международным отношениям. Но нам запрещено вообще выносить на повестку дня эти вопросы. Мы вносим, а большинство в областной Думе снимает эти вопросы, потому что это не согласовано с центром. Как можно в такой ситуации реализовывать модернизацию и вообще о ней говорить? Надо модернизацию начинать с запада России. Здесь я вижу лица, которые готовы к тому,

чтобы побороться за пост губернатора Калининградской области, если выборы губернатора, если этот институт будет возвращен. В противном случае, «Единая Россия» довела до того, что нарастают сепаратистские тенденции от антибюрократических настроений к антифедералистским через антимосковские к антироссийским. Поэтому обратите, пожалуйста, на Калининград особое внимание.

Гигантская Потемкинская деревня, которая создана Боосом энд компани на Балтике, она не выдержит никакой критики, она не выдерживает испытания временем. Вертикаль в Калининградской области не стоит, а горизонталь не работает. Вертикаль схлопнулась, давайте начинать модернизацию с Калининградской области. Только что мне позвонили коллеги, сегодня проломили при участии губернатора требование от Ассоциации муниципальных образований письма на имя Медведева, чтобы он был переназначен на второй срок. У нас тоже есть своя программа 20x20, 20 марта мы можем пригласить 20 000 людей, которые тоже поддержат президента на модернизацию Калининградской области, на модернизацию России. Большое спасибо.

Гонтмахер. Спасибо. Щелов-Коведяев Федор Вадимович, пожалуйста.

Щелов-Коведяев. Спасибо. В замечательном документе, с которым мы были ознакомлены неделю назад, с моей точки зрения, есть одна проблема, но зато системная, потому фундаментальная. Поскольку она актуальна сегодня, поскольку здесь много говорили о культуре и тому подобных вещах. Что же это за проблема? Это девиз жанра *. Потому что в одном документе, который назван доклад, смешаны, или даже если говорить точно, в семантике книжки идет такая чересполосица, как минимум 3 самостоятельных и не очень склеиваемых между собой компонентов.

А именно, первое. Само название «Образ будущего» и третий раздел целиком – это своего рода *, только, слава богу, с другим наполнением. * - это художественная публицистика, которая сама по себе не предполагает реализации ни в краткосрочном, ни в среднесрочном, ни в долгосрочном масштабе, потому что, как мы помним, Ульянов по кличке Ленин через 70 лет после опубликования сна Веры Павловны(?) не думал, что этот сон может иметь какое-то практическое применение в апреле 17 года.

Второй компонент – это элементы сценарного прогноза, что само по себе очень важно. Но это именно элементы сценарного прогноза, потому что даже на негативный прогноз, по поводу которого совершенно справедливо нас предупреждают, что его надо рассматривать, если мы ответственные люди, тоже нет достаточной развилки. Я считаю, то этот негативный прогноз должен быть, возможность такого негативного сценария должна быть очень серьезно рассмотрена, и сам такой сценарий подробно развернут.

И третий компонент – это элементы *. Можно называть это программными, можно называть по-всякому по-другому, элементы программы. Именно элементы, потому что кроме, достаточно иногда даже до мелочей, не только достаточно проработанных, но и до мелочей, проработанных асоциальных направлений, что понятно, поскольку Евгений Семович ответственный своей сфере деятельности, и частично только экономической составляющей, а во всем остальном лично мне не хватает мяса и обоснования. И это, к сожалению, действительно то, что я не увидел.

Это касается всего. Это касается того, что понимается под экономикой знаний и вообще экономики знаний, сценарий, средств массовой информации, обратных связей, убирания избыточных функций государства, выстраивания институтов, воспроизводства человеческого капитала. О том, что демография как один из показателей, говорил уже практически полностью. О финансировании науки и инновации, о гуманитарных, социально-культурных задачах, о качестве и уровне жизни. Причем, то, что качество и уровень жизни – это разные вещи, тоже должны были сказать. О демократических реформах, о политических реформах, об образовании как таковом, о пространственном развитии, о реформе вооруженных сил и безопасности.

А здесь не могу не сказать только одно, тут была некоторая дискуссия по поводу НАТО. Если ситуация действительно такова, как проговорился Патрушев; тут недавно,

когда ему задали вопрос, по-моему, в пятницу это было, зачем России официально записывать в своей доктрине право на упреждающий удар, последовал ответ: при нынешнем уровне развития техники в мире, подчеркиваю, а значит, считай, в Соединенных Штатах, Россия не в состоянии нанести ответный удар. Это основа доктрины сдерживания, которая после 62 года была сформулирована. Если мы не в состоянии, тогда я не понимаю, что мы вообще не обсуждаем. Тогда в НАТО надо вступать вчера, потому что пока еще есть возможность о чем-то договариваться. Поскольку я немножко знаю, как развиваются технологии американские в этом смысле, если будут пущены в строй динамические системы наведения со всеми лазерными присадками, то через несколько лет, а это будет в диапазоне 3-5 лет, нам просто договариваться будет не о чем.

МВД, следствие, внешняя политика. Когда нам приводится необходимость разработки доктрины, у меня как человека, который писал несколько доктрин, возникает желание развести руками, потому что документы на выходе по определению пустейшие, они ничего не значат вообще. Где, в какой стране мира есть доктрина внешней политики? Да нигде. Я имею в виду, Франция, Германия, Великобритания, Америка и т.д. И плюс инерционные очень тезисы в конце. Гражданские, общезаконодательные процессы, кадровая политика, социальный заказ. Социальный заказ должен быть в другом смысле, а не его отсутствие вовсе. То есть не думаю, что если есть такое намерение у авторов, то сконцентрироваться надо было бы на четвертой составляющей, а именно на том, чтобы мясом наполнить все. И должна быть какая-то серия, потому что в одном документе все это привести, эти тома чередовать Путину или даже не Путину, или человеку...

Гонтмахер. Обществу.

Шелов-Коведяев. Да, или к сообществу идти совершенно бесполезно. Достаточно в этом смысле вспомнить, как выглядят документы, которые вручаются каждому новому президенту. Это маленькие просчеты. Спасибо.

Гонтмахер. Спасибо. Совершенно верно. Четвертая часть доклада является только авансом, это я согласен. Пожалуйста, последнее выступление, Хуторев Вадим Германович.

Хуторев. Спасибо ведущему за предоставленное мне слово. Мне очень приятно выступать в этой аудитории. Я очень кратко из-за отсутствия времени. Первое – концептуально я этот доклад поддерживаю, но по существу у меня есть целый ряд замечаний. Первое. Здесь предлагается смешанная форма комплектования парламента. Я считаю эту форму наиболее склонной к коррупции и гораздо менее эффективной, чем комплектование парламента по мажоритарной системе. Но я против возврата к системе начала 90х годов, когда, как известно, Верховный совет был скомплектован именно по этой системе. Здесь нужны изменения, а именно нужно гораздо более сделать депутата, избранного от территории, зависимым как от консолидированного общественного мнения на этой территории, так и от определенных экспертных оценок. Это можно сделать при определенных конкретных разработках. Из-за нехватки времени я просто на них останавливаться не буду.

Второй момент. Вы предлагаете полностью изменить систему спецслужб. В начале 90х эти спецслужбы очень часто реформировали, в результате на самом деле пострадало дело. Что делать сейчас, когда на самом деле для некоторых людей спецслужбы представляют определенную опасность? Несанкционированная прослушка телефонов, я думаю, ни для кого не секрет. Что нужно делать? Это, прежде всего, создание независимой от МВД, от ФСБ структуры, которая была бы напрямую подчинена президенту, структуры, которая бы на принципах конфиденциального сбора информации в этих службах выявляла тенденции к тем или иным противоправным действиям, и таким образом бы не только оздоравливала систему, но и стимулировала выдвижение наиболее преданных закону людей, что, на мой взгляд, немаловажно.

И последнее, что я хотел бы сказать, это то, что исследования в этой области надо продолжать, и не просто надо продолжать, а может быть, при институте сформировать какую-то группу, которая бы помогала предпринимателям получать зарубежные заказы. Потому что, по моему мнению, именно за рубежом человек, а прежде всего, представитель малого бизнеса, вступает в реальную конкуренцию. И эта реальная конкуренция, она может породить потребность именно в тех научных разработках, которые дает наш научный труд. Большое спасибо за внимание.

Гонтмахер. Спасибо. Буквально два слова в самом конце. Спасибо за обсуждение, много ценного, полезного. Повторяю, мы издадим обязательно эту дискуссию. Но мы намерены работать с представленным документом дальше. Мы будем выходить с этим документом в самые разные точки, слои, группы общественные, регионы чтобы собрать о мнения хотя бы части общества. Конечно, консенсус никогда невозможен, это ясно, но нас интересует наиболее активные люди, которые хотят, чтобы в России было хорошо.

Я смотрю отзывы, которые по идут через интернет. Там очень много тоски. Люди говорят: да, это было бы хорошо, но этого не будет, потому что этого не может быть никогда. Это плохо. Когда общество живет в состоянии такой тоски и депрессии, это очень плохо. Я согласен с тем, что надо обществу дать какое-то видение будущего, но, очевидно, есть люди, у которых в головах другая модель. Что ж, надо обсуждать. Это функция нашей политической элиты - безотносительно, либеральная она или нелиберальная.

Мне кажется, есть более глубокие ценности, которые нас объединяют. Это демократия, справедливая и честная конкуренция, социальное государство.

Поэтому мы хотели бы по большому кругу пройти с этим документом, подумаем, может быть, действительно его с учетом коллективного обсуждения поправить. И надо приступать к дальнейшей работе - очень много предложений о том, как нам выстроить пошаговую программу.

Мы убрали это пока на второй план, потому что проводить эти первоочередные шаги можно, только если есть некий базис, есть настроение в нашем обществе. Я понимаю, что есть проблема первого толчка, с чего все начинать. Это отдельная проблема, которую тоже надо обсуждать, потому что есть разные точки зрения: то ли вдруг на наших правителей какое-то озарение придет, то ли по примеру Калининграда люди выйдут на улицы, и, может, это их вразумит. А может что-либо другое.

Михаил Сергеевич Горбачев, когда он уже не был президентом Советского Союза, как-то в ответ на рецепты развития страны сказал: «Что же вы мне не сказали, когда я был президентом?» Я не хочу повторения такой ситуации сейчас, потому что запрос на модернизацию есть, он очевидный. Ведь альтернатива модернизации - только загнивание. Мне бы не хотелось чтобы к нам, к экспертному сообществу обратились за советом, а мы ответили: «Не знаем». Мы должны быть интеллектуально готовы к запуску модернизации и к процессу управления ею. Мне кажется, в этом сейчас наша основная цель.

Спасибо всем, кто принял участие в конференции.